

Круглый стол “Формирование ответственного общества: возможности, ограничения, перспективы”

Ответственность — это способность социального актора осознавать возможные последствия своих (не)принятых решений, (не)сделанных выборов, (не)совершенных действий, (не)выполненных обязанностей и (не)соблюденных обязательств, а также готовность и способность принимать на себя все их бремя.

М.Вебер считал ответственность индивидуальных и коллективных деятелей одной из важных предпосылок и основ упорядоченной жизнедеятельности общества¹. Он говорил не только о единоличной, но и о солидарной ответственности социальных деятелей². Такая ответственность предполагает предсказуемость, согласованность, совместимость и взаимную дополняемость социальных действий разных деятелей, их координацию и кооперацию как залог существования и развития общества. Следует отметить, что работа Вебера, где обо всем этом шла речь, в свое время заняла первую позицию в рейтинговом списке “Книга XX века” Всемирной социологической ассоциации (ISA), содержащем названия 100 самых известных книг в области социологии³. Отмеченное обстоятельство свидетельствует о фундаменталь-

¹ Вебер, М. (2012). *Господарство і суспільство: нариси соціології розуміння*. Київ: Все-світ. — (с. 57, 163, 196, 235, 237, 359, 506–507, 525–526, 559, 563–564, 609, 614, 674, 857, 895, 916, 925, 976, 1028, 1042, 1046, 1063, 1065–1066, 1079).

² Там же, сс. 136, 296, 303, 321–322, 524, 530, 546, 549, 564–565, 750–751, 1023.

³ Books of the XX Century (2015). International Sociological Association (ISA). Retrieved from: http://www.isa-sociology.org/books/vt/bkv_000.htm. Этот рейтинг стал одним из итогов работы Всемирного социологического конгресса Всемирной социологической ассоциации, который состоялся в Монреале в 1998 году. Одной из главных целей конгресса была критическая оценка социологического наследия XX века. Комитет по программам этого Конгресса в 1997 году провел опрос членов Всемирной социологической ассоциации с целью определения 10 наиболее влиятельных книг для социологов. Опрашиваемым предлагалось отметить 5 книг по социологии, которые были изданы в XX веке и стали, по их мнению, самыми влиятельными в их работе как социологов. Было опрошено 16% Всемирной социологической ассоциации (455 з 2785).

ности понятия ответственности в социологии и исключительной значимости этого социального феномена в жизни общества.

В Украине социологические исследования ответственности инициировали в предыдущие годы Н.Шульга, Е.Злобина, О.Безрукова и др. Накоплен богатый опыт концептуализации, теоретического осмысления и эмпирического анализа особенностей формирования ответственности в современном украинском обществе. Но учитывая свою ответственную ему ныне беспрецедентную динамику социальных процессов, имеющиеся трактовки ответственности социальных деятелей могут оказаться недостаточно релевантными.

Без выяснения тенденций формирования ответственного общества в Украине в последние годы невозможно оценить релевантность распространенных и устоявшихся у нас концептуализаций механизмов этих процессов. Это обстоятельство актуализирует соответствующую научную проблематику. Для ее изучения в Институте социологии НАН Украины принята и выполняется научно-исследовательская работа “Формирование ответственного общества: государство, политические движения, бизнес”, продолжающая наработки предыдущих исследований. Цель работы — исследование факторов и текущих процессов формирования ответственного общества в нашей стране при непосредственном участии украинского государства, политических движений и бизнеса. Ведь прежде всего именно эти акторы должны адекватно реагировать на современные вызовы существованию украинского общества — угрозы со стороны внешнего агрессора, экономический разлад и необходимость коренного институционального преобразования страны.

26 марта 2019 года в конференц-зале Института социологии НАН Украины состоялся круглый стол, на котором ответственные исполнители указанной выше научно-исследовательской работы представили своим коллегам текущие результаты собственных исследований в ее рамках. Публикуем выступления участников этого круглого стола для широкой общественности.

НИКОЛАЙ ШУЛЬГА,

доктор социологических наук, профессор,
заместитель директора по научной работе
Института социологии НАН Украины, Киев

Что такое социетально ответственное общество?

Сегодня больше всего исследований по теме ответственности приходится на экономическую сферу общества. Достаточно посмотреть библиографию публикаций по этой теме в последние десятилетия. Ученые в основном обсуждают проблему социально ответственного бизнеса. На втором месте по количеству публикаций находятся работы по правовой ответственности. Значительно меньше исследований, посвященных проявлению данного феномена в других сферах: в этике, политике, культуре и других областях. Особенно мало работ по теме ответственности на социетальном

уровне. Поэтому в этих заметках имеет смысл обозначить, хотя бы в общих чертах, тему социетально ответственного общества.

По нашему мнению, на круглом столе поднята очень содержательная, масштабная и сложная тема для обсуждения. Это поистине тема социологии (я специально сказал “тема социологии”, а не социологическая тема, поскольку в сегодняшнем общественном контексте слово “социологический” ассоциируется либо с узкими, ограниченными темами, либо, в лучшем случае, с темами отраслевой социологии, и преимущественно — эмпирической).

Когда мы говорим здесь об ответственности, то обращаемся к такому социальному качеству, присутствие которого предполагается во всем пространстве общества, во всех его сферах, во всех его институтах, на всех его уровнях, то есть во всем воспринимаемом и понимаемом нами социальном пространстве.

Социетально ответственное общество — это идеальная модель, в которой представлена гармония социально ответственных отношений разных уровней, согласованная система ответственных связей между институтами и субъектами отношений. Это своего рода утопия и идеал, к которому стремятся. Ответственные отношения являются непререкаемыми условиями таких качеств общества, как его целостность и устойчивость. Следовательно, самыми важными для существования общества, очевидно, будут ответственные отношения на уровне системообразующих связей.

Степень реализации идеала социетально ответственного общества на каждом конкретном историческом этапе его существования может быть рассмотрена через понятие зрелости общества, предполагающее разные степени развитости.

Социетально ответственное общество — это социум с очень высокой общественной рефлексивностью в отношении функционирования, публичного проявления всех социальных групп и институтов. Под рефлексивностью мы понимаем осознанность и определенный уровень познания тех отношений, процессов, которые происходят в обществе. В социетально ответственном обществе как идеальном типе, в свою очередь, предполагается максимальная познательность и понимание (достигнутые наукой на данный момент) социальных процессов, в которое вовлечены члены данного общества.

Ответственность — это не только одно из качеств общества, но и одно из главных условий его существования. Общество может существовать только при наличии в нем пронизывающей все сферы ответственности — в системе в целом и в ее звеньях и элементах.

Реальным обществам присущи такие системы социетально ответственных отношений, которые колеблются в диапазоне от согласованных до крайне рассогласованных и разбалансированных.

Социетально ответственное общество — это общество, в котором имеется разветвленная, густая сеть горизонтальных и вертикальных осознаваемых социумом, контролируемых и регулируемых им ответственных отношений, а также наличие адекватных таким отношениям социальных институтов. Возможно ли существование обществ, в которых нет таких институтов? Наверное, обществ с полным отсутствием социетальной ответственности нет. Но общества с крайне низкой социетальной ответственностью существуют. Как правило, в исторических масштабах срок их существова-

ния короток. Без такого системного качества, как ответственность, общество существовать не может.

Социетально ответственное общество — это то общество, которое осознанно и ответственно относится к настоящему, будущему и прошлому, в котором существуют институты, осуществляющие научный диагноз его реального состояния в настоящем времени, выявление и осмысление вызовов, прогноз — то есть ответственное понимание своего будущего. Такой же ответственной и научно обоснованной должна быть и картина прошлого — историческая память.

Важно понять границы, когда общество еще находится в тех пределах, где его можно назвать ответственным, а где проходит тот рубеж, когда общество обретает новое качество — становится безответственным. Постулирование указанных границ подталкивает к необходимости определения социального качества общества. Наш коллега В.Тарасенко предложил ввести в научный оборот категорию “качество социального”. Прежде всего он обращал внимание на то, что социальное мы рассматриваем абстрактно, внеисторично, что оно для нас одинаковое и сегодня, и сто, и двести лет назад. По его мнению, “социальное (как особая составляющая и свойство общества, которая существует вместе с другими его составляющими и свойствами — экономическими, политическими, духовными, нравственными, естественными процессами и явлениями) зависит от своего прямого продуцента — группы взаимодействующих индивидов, условий их взаимодействия и исчезает вместе с прекращением ими своего жизненного процесса”¹. Конкретным проявлением качества социального является состояние социальной ответственности общества как целого.

Социетально ответственное общество как модель, как идеальный тип научно управляемого общества предполагает, что оно реализуется на основе мегапроекта, в котором четко обозначены цели его развития, и эти цели разделяются его гражданами. В условиях частной собственности, когда в противоречие вступают интересы общества как целого и его отдельных элементов, каждый из которых имеет свой частный интерес, реализация идеального типа невозможна. Высший уровень развитости социальной ответственности в таком обществе возможен в форме правового государства, в котором достигнуто ответственное отношение к исполнению законов всеми социальными институтами, всеми должностными лицами и всеми гражданами.

Более опасная ситуация складывается в тех странах, где у граждан не развито личное ответственное отношение за дела в обществе. Они живут просто как свидетели нарастания угроз и опасностей для своего целого, но не как граждане. Примерами социетальной безответственности украинского общества являются нынешнее состояние окружающей среды, немое, безучастное отношение граждан к вытеснению из отечественного производства естественных сельскохозяйственных продуктов и тотальная замена их генетически модифицированными, состояние инженерной инфраструктуры (теплотрассы, шлюзы на плотинах рек, мосты, автомобильные дороги и т.п.) на уровне общества и на уровне поселений, отсутствие в обществе само-

¹ Тарасенко, В. (2014). Бісоціальний характер українського суспільства. Вектори змін українського суспільства (с. 136). Київ: Інститут соціології НАН України.

го первого и неотъемлемого института гражданского общества — профсоюзов. Это только отдельные примеры, но они свидетельствуют о том, что у нас усугубляются черты социетально безответственного общества.

Феномен качества ответственности общества помогает понять его антипод — безответственность. Некоторые исследователи возражают против таких категорий, как ответственность и безответственность общества, на том основании, что общество никогда не выступает как своего рода Левиафан. Однако, по нашему мнению, не только в теоретическом, но и в практическом плане правомерно говорить об ответственности общества. В истории отдельных обществ бывают ситуации, когда оно выступает сплоченно и едино. Так бывает во время отражения внешних нападений, во время революций. В современных демократических обществах существуют механизмы выявления волеизъявления всех членов общества — референдумы, плебисциты. Нередко они обнаруживают многообразие мнений в обществе, но бывают и случаи большого единодушия людей по какому-либо судьбоносному вопросу, стоящему перед обществом. В контексте темы социальной ответственности примеры референдумов говорят об ответственности общества, даже если мнения граждан не совпадают. Однако они проявляют свое личное отношение к судьбе общества как целого. Например, несмотря на весь драматизм Брежневского, британское общество продемонстрировало социальную ответственность — большинство граждан высказали свое отношение к проблеме.

При внимательном анализе феномена ответственности также становится ясным, что наряду с ответственностью и безответственностью существует еще один распространенный социальный феномен — неответственность. Неответственность проявляется как отсутствие ответственности по причине ее полной неразвитости. Такая неответственность получила название общественной инфантильности. Основными чертами ее является задержка в развитии тех социальных черт общественных субъектов, наличие которых объективно требуются для нормального, устойчивого функционирования социума. Общественная инфантильность проявляется как политическая, экономическая, социальная культурная, нравственно-духовная инфантильности.

Примером социальной инфантильности является такое поведение масс, когда они легко принимают абстрактные лозунги социальной справедливости: равенство, демократия, свобода, независимость, суверенитет и т.п., не соотнося эти ценности с реальной ситуацией в данном обществе, не соотнося с возможностями их реализации в сложившихся на данный момент условиях. Одновременно этих людей мало интересуют возможность удовлетворения их текущих насущных интересов: их уровень благосостояния, уровень инфляции отечественной валюты в ее соотношении с другими валютами, реальная возможность получения медицинской помощи, соблюдение прав человека на свободный выбор информации и возможность ее получения по любым существующим каналам коммуникаций, удовлетворение прав на высказывание своих мнений, в том числе и политических, невмешательство государства в религиозные процессы и многие другие жизненно важные вопросы.

Сложность общественных отношений создает хитросплетения правовых, политических, экономических, культурных отношений, которые предстают, как некая конкретная социальная ситуация социетальной ответственности. Из смены таких последовательных социальных ситуаций и складывается исторический процесс развития общества. Упомянутые ситуации

по-разному влияют на результаты развития общества. Иногда в социуме складываются такие обстоятельства, результат разрешения которых может привести к краху и катастрофе. Так, определенные политические, идеологические, экономические субъекты своими действиями могут создать такую ситуацию, когда любой из вариантов ее разрешения является губительным, деструктивным, проигрышным для общества. Иначе говоря, для субъектов принятия решений не остается выбора — обстоятельства не оставляют для выбора нужного, необходимого, полезного для общества как целого. Например, в случае политических игр, подтасовок в законах, манипуляций с общественным мнением, исполненных в интересах олигархов, в процессе общенациональных выборов у избирателей остается только формальный выбор вариантов. А на самом деле любой из выборов ведет страну в тупик.

Из этого следует, по крайней мере, два вывода. Это можно воспринять как нечто из разряда благих намерений, но все же социальная ответственность общества предполагает следующее. Первый вывод — государство и гражданское общество должны всегда прогнозировать свое будущее. Исходя из прогнозов, общество не имеет права допускать образования таких ситуаций, которые парализуют возможность содержательного выбора проекта будущего, нейтрализуют социальную ответственность общества.

Во-вторых, само общество должно развивать в своих гражданах такие качества, которые бы даже в случае появления форс-мажорных социальных ситуаций, могли бы не допустить рисков и угроз для существования самого общества.

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

*доктор социологических наук, профессор,
заведующий отделом социальных структур
Института социологии НАН Украины, Киев*

Секвестрование экономического неравенства: утопии со-ответственности и разделенной ответственности

Констатации относительно углубления глобального и локального экономического неравенства, отправляющиеся от все более методически тщательных статистических и социологических наблюдений и измерений, обрели статус непреложности. Причины неукротимости возрастающего разрыва в благосостоянии между неприлично богатыми и безнадежно бедными слоями в конкретном обществе и между народами, равно как и обуславливаемые этим негативные социальные эффекты, в общем известны. Чаще всего имеют в виду непродуктивность соответствующей политики государства, эгоистичность бизнеса, стремящегося к максимизации прибыли, изменение структуры занятости вследствие глобализации экономики, ослабление роли и значимости политических партий и профсоюзов в обсуждении острых социальных проблем и способов их разрешения.

Никого, похоже, уже не нужно убеждать, что усиливающееся экономическое и социальное (в доступе к жизненно значимым благам и услугам) неравенство — это плохо и очень плохо. Не скажешь, будто предложений того, как выправить ситуацию, очень много. Но они есть. Могущественные, но не всемогущие, инстанции, такие как Международный валютный фонд, охотно, например, выдают рекомендации по борьбе с бедностью — значимым эффектом неравенства. В академической среде Э.О.Райт возлагал надежды на “реальные утопии”, на альтернативы нынешним состояниям и процессам, фокусирующиеся на нормативных повседневных практиках участников и не имеющие ничего общего с проектами радикального переустройства совместного существования людей¹.

В научной литературе находим и предложения о перспективах секвестирования неравенства на основе систематического изучения положения дел в глобальном и локальном аспектах. Рассмотрим две подобные работы, выполненные авторитетными специалистами. Монографию Э.Аткинсона² о том, что в наших силах сделать с неравенством, а также сборник интервью с политиками и бизнесменами по проблеме экономического неравенства, собранных и опубликованных сотрудниками Стэнфордского центра исследований бедности и неравенства³. А поскольку ни одно правительство в мире не рискнуло взяться за осуществление на практике подобных разработок, постольку их статус остается вполне утопическим.

Утопия со-ответственности Э.Аткинсона

Будучи, по собственному признанию, осторожным оптимистом, Э.Аткинсон взвешенно подходит к перспективе разделенной между основными социальными институтами, а также организациями ответственности за сокращение разрывов в благосостоянии семей и доходах различных категорий занятого населения. Благая цель и либеральное требование момента очевидны: взять под контроль разгуливающую стихию неравенства и предложить некие инструменты сокращения разрывов в заработках и вознаграждениях.

В пяти параграфах второй главы обосновывается необходимость и практическая реализуемость выдвинутых 15 рекомендаций, которые способны, по мысли автора, улучшить существующее положение дел: не только прервать, но и радикально сменить направление многолетней тенденции. Их реализация позволит обсуждать виды на будущее дополнительных пяти специфически политико-экономических идей, перевод которых в практическое действие является делом более отдаленного будущего⁴.

С социологической точки зрения важны не столько конкретные предлагаемые меры, сколько сдвиги в приоритетах деятельности институтов и организаций. Скажем, отнюдь не нова идея “социального армрестлинга”. В соответствии с ней невидимой, но известной своей алчностью “руке” рынка

¹ Wright, E.O. (2010). *Envisioning Real Utopia*. S.l.: VERSO.

² Atkinson, A.B. (2015). *Inequality: What Can Be Done?* Cambridge, MA: Harvard University Press.

³ Berger, R., Grusky, D., Raffel, T., Samuels, G., Wimer, C. (2010). *The Inequality Puzzle: European and US Leaders Discuss Rising Income Inequality*. Berlin: Springer.

⁴ Atkinson, A.B. (2015). *Inequality: What Can Be Done?* (pp. 113–239).

следует противопоставлять “руку” государства, единоборствующую за общие, справедливые и гуманистические ценности. И потому Э.Аткинсон предлагает (рекомендация 1) жестче контролировать направление технологического развития для недопущения массового вытеснения работников автомобилями и самоуправляемыми машинами. Государство, не бизнес, обязано быть главным инвестором научных исследований и разработок, фактически выступая в роли “государства-предпринимателя” в том, что касается технологического и научного прогресса, попутно создавая рабочие места, требующие высокой квалификации. Бизнес (частный сектор) остается ведущим агентом превращения разработок в конечные инновационные продукты. Между тем как социальная политика следует обязательству поддерживать баланс власти между всеми заинтересованными сторонами, в том числе с помощью профсоюзов, “социальных и экономических советов” наемных работников на предприятиях и в компаниях, неправительственных организаций и фондов (рекомендация 2).

Как принято говорить, влиятельные фирмы и банки следует “приручать, одомашнивать”, прививая им навыки социальной ответственности, которые крайне редко возникают и утверждаются эмерджентно, а ареал их распространения остается ограниченным без внешнего стимулирования и выверенного давления.

Структура рынка труда была и остается одним из источников неравенства вследствие асимметрии между теми, кто имеет работу и кто ее не в состоянии получить. Кроме того, в последние десятилетия сегментация национального рынка труда обретает новые очертания за счет быстрого роста сектора нестандартной/частичной занятости, самозанятости и трудовой миграции на вненациональные рынки труда. Оттого ответственное правительство просто обязано иметь ясный план/программу сокращения безработицы и создания новых рабочих мест с некоторой минимальной заработной платой для тех, кто в ней нуждается. Такая программа выводила бы их из состояния бедности, в том числе посредством организации общественных работ, гарантии занятость и создавая шансы трудоустроиться (рекомендации 3, 4).

Если суммировать, не входя в подробности, остальные рекомендации Э.Аткинсона, носящие преимущественно экономический характер и касающиеся налоговой политики, уровня пенсий и индексации сбережений, более равномерного распределения создаваемого национального богатства, рынка кредитов, то их суть сводится к следующему. Государство и его исполнительные структуры (правительство, банки) являются основным условием и механизмом не финального, но заметного выравнивания шансов всех слоев населения на обеспеченную жизнь и преодоления бедности. Вот почему настоятельной необходимостью становится повышение компетентности этого социального института как в распоряжении и управлении имеющимися ресурсами, так и в инновационном конструировании новых.

Исходный же пункт движения к эффективной компетентности состоит в возможно более точной оценке существующего положения дел и наличии ресурсов достижения реальных целей, обусловленных такой оценкой. Поскольку попытка вмешательства в процессы воспроизводства экономического неравенства неизбежно обострит конфликт интересов вовлеченных участников (их перечень не очевиден и представляет собой отдельное затруднение), постольку возрастает значимость процедур согласования интересов

посредством компромиссов и уступок. Конечным продуктом достижения консенсуса в виде программы деятельности оказывается распределение ответственности (со-ответственность) между участниками, а также между уровнями государственного управления (центр, территория, типы поселений) — то, что именуют демасштабизацией задания. И тогда сообщение от Э.Аткинсона прочитывается еще и так: компетентность определяет ответственность, исполненная ответственность свидетельствует об уровне компетентности.

Преуспевшие в жизни о разделенной ответственности

Летом 2009 года, сразу после случившихся рецессии и финансового кризиса предыдущего года, Фонд Роланда Бергера и сотрудники Стэнфордского центра исследований бедности и неравенства провели 13 интервью с политическими лидерами, главами корпораций и профсоюзов США и Европы. Предметом было растущее неравенство, его причины и место в современной повестке дня. Интервьюируемые были согласны в том, что неравенство принадлежит к “естественному социальному порядку вещей” и проблема не в неравенстве как таковом, но в его избыточности, неумеренности, часто преувеличенной в медиа¹.

Тем не менее, закавыка, по их мнению, не в том, что кто-то (малочисленные, 1%) обогащается несметно, а в том, что очень многие вознаграждаются неподобающе скудно. Причем концентрация богатства на одном полюсе сопровождалась освобождением от моральных обязательств по отношению к терпящим бедствие анонимным “другим”. В итоге, полагают опрошенные, растущие диспропорции в вознаграждениях ставали следствием автономизации ответственности, распада той со-ответственности, которая будто бы была присуща “добрым старым временам”. Доминантой стала *разделенная ответственность* — фундаментальное обстоятельство, с которым должны соотносываться все проекты секвестирования неравенства.

В интерпретации лидеров партий и бизнеса корень зла заключается в отсутствии соответствующей этики, в доминировании безоглядного стремления обогащаться, невзирая ни на что, в едва ли не тотальном дефиците готовности к самоосуждению. Но они же признают, что имплементация суровой трудовой этики, основанной на дисциплине, прилежании, настойчивости и позволяющей зарабатывать много, а также не вызывающей публичное осуждение этики потребления (траты заработанного), представляет собой проблему, возможности справиться с которой далеко не ясны.

Суммировав услышанное от участников интервью, авторы реферируемой работы рекомендуют в преодолении нынешней асимметрии в экономическом неравенстве придерживаться пяти принципов: обеспечивать равенство возможностей; совершенствовать социальную мобильность; пропагандировать этичное поведение; пересмотреть практику вознаграждения высших служащих; взвешенно балансировать налоговую политику². Таков вид на проблему, открывающийся сверху, от людей преуспевших в бизнесе и в управлении.

¹ Berger, R., Grusky, D., Raffel, T., Samuels, G., Wimer, C. (2010). *The Inequality Puzzle: European and US Leaders Discuss Rising Income Inequality* (pp.157–160).

² Ibid., p. 199.

Сюжету об экономическом неравенстве из перспективы академической науки (Э.Аткинсон), а также виду, открывающемуся из перспективы топ-менеджмента, присущ ряд общих черт. Оба с несколько озадачивающим постоянством, не предполагающим обоснованности, обходят тему взаимосвязи ответственности с угрозами и неопределенностями, часто для краткости именуемые рисками. Между тем, и со-ответственность, и разделенная ответственность непременно столкнутся с угрозами и неопределенностями, устойчиво воспроизводя то, что и так имеет место быть — эмансипированную безответственность.

Итак, в контексте экономического неравенства идеи со-ответственности и разделенной ответственности хотя и обсуждаются, но сколько-нибудь реалистические проекты их имплементации находятся, похоже, на начальной стадии разработок. Не ясны и социальные условия перевода императивности идей из области желаемого в практическую плоскость осуществимого.

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА,

доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Общественные движения в современном социально-политическом контексте Украины

История украинской независимости довольно тесно связана с коллективными действиями массового характера. И хотя первыми вспоминаются Майданы, на самом деле у истоков современной страны стояло общественно-политическое движение — Народный Рух Украины за перестройку, созданный еще в 1989 году. Объединение вокруг идеи государственной независимости оказалось массовым, и уже на выборах 1990 года Рух получил заметную поддержку, в результате чего в Верховной Раде Украины была создана влиятельная фракция Народная Рада. Массовые коллективные действия и в дальнейшем ощутимо влияли на развитие страны, в частности определяя постепенный переход от советского прошлого к европейскому будущему. В то же время возникшая в период выборов 2019 года социальная ситуация имеет свои особенности и требует специального анализа. Чтобы его осуществить, сначала определим необходимые теоретические основания.

Отправным в этом анализе должно стать определение общественного движения как “совокупности взглядов и убеждений группы людей, стремящихся изменить определенные элементы социальной структуры или распределения благ в обществе, или то и другое одновременно”¹. Традиционно возникновение общественных движений связывалось с состоянием депривации, которое, с одной стороны, является проявлением структурной напряженнос-

¹ Zald, M.N., McCarthy, J.D. (1987). Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays. New Brunswick, N.J.

ти социальной системы, а с другой — выливается в индивидуальную неудовлетворенность, находящую выход в протестной активности. Однако во второй половине XX века появляются новые социальные движения (экологическое, борьбы за мир и т.п.), а вместе с этим вырабатываются и новые теоретические подходы. В частности, теория новых общественных движений переносит акцент с непосредственной депривации участников общественных движений на возможность для общественности выразить в коллективных действиях свою неудовлетворенность или обеспокоенность соблюдением прав, благополучием и благосостоянием¹. Поскольку сама по себе неудовлетворенность как основа любого социального движения имеется в каждом обществе, а значит, ей можно манипулировать, создавая условия для организации и поддержки социального движения с использованием разнообразных ресурсов², довольно популярной становится и теория мобилизации ресурсов, нацеленная на анализ способов эффективной мобилизации участников движения для достижения желаемых социальных изменений. Соответственно для анализа нам понадобятся исследования Ч.Тилли, согласно которому “мобилизация — это процесс, продвижение группы от пассивного собрания индивидов к активному участию в общественной жизни”³. Это также “процесс, посредством которого группа получает коллективный контроль над ресурсами, необходимыми для действий. Этими ресурсами могут быть рабочая сила, товары, оружие, голоса избирателей и какие-то другие вещи, если только они могут использоваться для реализации общих интересов”⁴. Наконец, еще одно важное теоретическое достижение современной концептуализации общественных движений связано с попытками глубже понять их динамику. Речь идет о концепции коллективной идентичности, которая рассматривает мобилизацию сторонников движений сквозь призму идентификации самих себя с целями и смыслом движения⁵.

Важно также отметить, что хотя общественно-политическое движение всегда связано с коллективными действиями, это не тождественные понятия. Согласно М.Диани, ему обязательно должны быть присущи следующие признаки: 1 — наличие определенного социального конфликта; 2 — наличие коллективной идентичности участников коллективных действий; 3 — постоянный обмен материальными и символическими ресурсами через неформальные сети, происходящий по доброй воле участников⁶.

Теперь, опираясь на эти ключевые тезисы, попытаемся хотя бы приблизительно осмыслить коллективные движения, происходившие в стране на

¹ Snow, D.A., Soule, S.A., Kriesi, H. (2004). Mapping the Terrain. In: D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi (Eds.), *The Blackwell Companion to Social Movements* (pp. 3–16). Oxford.

² Zald, M.N., McCarthy, J.D. (1987). *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*.

³ Tilly, Ch. (1964). *The Vendée: a sociological analysis of the counterrevolution of 1793* (pp. 69). Cambridge, MAS: Harvard University Press.

⁴ Tilly, C. (1977). *From Mobilization to Revolution* (pp. 1–10). S.I.: University of Michigan.

⁵ Whooley, O. (2007). Collective Identity. In: G. Ritzer (Ed.). *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* (pp. 586–588). S. I.

⁶ Diani, M. (2011). Social Movements and Collective Action. In: *The SAGE Handbook of Social Network Analysis* (pp. 223–234). S.I.: Sage Publications Ltd.

фоне президентської виборчої кампанії 2019 року. Речь йде про соціальної групу, яка підтримувала одного з кандидатів — Володимира Зеленського, і про групу підтримки другого кандидата — Петра Порошенка, яка виникла пізніше, але теж консолідувалася навколо загального інтересу, намагаючись мобілізувати сторонників на спільне колективне дійство — вибор свого кандидата.

Хоча традиційним для виборчих гонок вважається скоріше колективне дійство, суб'єктом якого виступають політичні партії, які, крім того, і висунули обох кандидатів, в традиційному ході кампанії відбулися суттєві зміни, оскільки один з кандидатів, хоча формально і був підтриманий політичною партією, фактично виступав як внесистемний, а значить, міг досягти успіху тільки шляхом мобілізації колективних дій потенційних виборців саме в формі громадсько-політичного руху. І хоча головною метою партії в відміння від політичного руху вважається як раз участь в виборах, в даному випадку громадсько-політичне рух сформувалося навколо підтримки певного кандидата, з вибором якого зв'язувалися очікування соціальних змін.

Для виконання цієї задачі одразу ж були задіяні в якості головної медіатора соціальні мережі. Раніше всього вони використовувалися для розвитку спільноти волонтерів, приєднавшись до кампанії Зеленського в інтернеті. На наступний день після оголошення наміру балотуватися сайт команди Зеленського (Ze2019) опублікував звернення до сторонників, що містило заклики “Приєднайся до команди Зеленського і створи історію разом з нами!” Уже другого січня кількість зареєстрованих налічувало 213 тисяч і пізніше зросло до 600 тисяч, стільки ж було на Інстаграмі. За оцінкою М.Федорова, якою займався соціальними мережами, спільнота волонтерів, приєднавшись до команди Зеленського, складала близько 600 тисяч¹. Оцінити масштаб зробленого хоча б приблизно можна виходячи з масштабів і якості сегментації потенційної аудиторії, а саме було виділено 32 сегменти зацікавлених користувачів і з 7 ключовими велається цільово спрямована робота².

Виходячи з теорії мобілізації для успішності колективних дій необхідно мобілізувати чотири головні ресурси: 1) культурний (популярні інструменти, спеціалізовані знання), 2) громадсько-організаційний (інфраструктура, соціальні мережі і організації), 3) людські ресурси, 4) матеріальні ресурси³.

В випадку з Командою Зе можна констатувати наявність всіх перерахованих компонентів. Раніше всього існувало ядро руху, в ролі якого виступив 95-й квартал. Саме там концентрувалися ресурси

¹ За такої підтримки нам не потрібні були боти — керівник діджитал-кампанії Зеленського. Одержано з: <https://hromadske.ua/posts/za-takoyi-pidtrimki-nam-ne-potribni-buli-bogi>

² У нас є проект Чорна бібліотека Порошенко: онлайн-стратег Зе. Одержано з: <https://tech.liga.net/technology/interview/pochemu-poroshenko-proigral>

³ Шульц, Е.Е.(2014). Теорія соціальних рухів: проблеми теорії і практики. *Вісник Північного (Арктичного) федерального університету. Серія: Гуманітарні і соціальні науки*, № 4. Одержано з: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sotsialnyh-dvizheniy>

и определялась стратегия и тактика мобилизации. Команда располагала определенными материальными ресурсами (финансовый капитал, офисное пространство и др.). Анализ страниц Команды Зе в сетях позволяет увидеть, как использовался культурный ресурс, ориентированный на привлечение к избирательной кампании абсолютно новых, политически неангажированных участников движения. Именно для них проводились конкурсы — на лучшие стикеры, на встречу с кандидатом в президенты, на чашку, футболку, за счет которых увеличивалась аудитория. Аналогично и человеческий ресурс накапливался через мобилизацию в сетях. Вот пример одного из комментариев на странице: “Друзья!! Мы уже осознали, что явка на выборах должна быть высокой, но важно сохранить наши голоса и не допустить фальсификаций! В день выборов, 31 марта 2019 года, ВАЖНО 20 000 наблюдателей, на сегодняшний день в команде ЗЕ есть только 11 200!!! ДАВАЙТЕ ОТПРАВИМ ПО ДРУГИМ ЗЕ ГРУППАМ ЭТОТ ПОСТ”.

Главный мобилизационный посыл кампании полностью отвечал сути социально-политического движения и был прямо сформулирован как необходимость коллективного действия, направленного на социальные изменения. Причем это подавалось именно в ключе ответственности каждого за сделанный выбор. В качестве иллюстрации приведем одно из типичных обращений Команды Зе к сторонникам. “За 28 років люди зневірилися в системі: молодь, дорослі упевнені в її цинічності. Прийшов час змінювати встановлені системою правила, і це твій обов’язок перед країною! Ти готовий це змінити! Приходь на вибори 31 березня 2019 року! Змінюй!”.

В ходе мобилизации были задействованы все классические способы формирования мотивации к действиям. На страницах Команды Зе появлялись посты и комментарии, направленные на усиление неудовлетворенности, протестных настроений в отношении “старой власти”. Приведем лишь один пример. “Одні сили зла об’єднуються, інші зализують рани і перегруповуються. Наближається фінальна битва. Цього разу сили зла мусять бути знищені. 27 років загнивання наплодило величезну армію жирних пацюків, які вже давно гризуться між собою за право повелівати нами і пити нашу кров. Вже пролилися ріки крові і народ обдертий і бідний. А вони ніяк не жартися не можуть. Армія, мова і віра стають джерелом наживи, а людські життя — розмінною монетою. Вони сцуть нам в вуха не зважаючи на те, чи віримо ми їм чи не віримо. Сміються нам в очі, зриваючи шапки і тягаючи за носа. Лідери, які сьогодні об’єдналися, не являються меншим злом, ніж той, проти кого вони об’єдналися. У них ще не було можливості дорватися до того корита, в яке перетворилася наша держава. Давайте їх зупинимо разом. Попробуємо перемогти їх спочатку цивілізованим способом. Якщо не дадуть нам права чесного вибору — знищимо їх безжалісно і остаточно. КРАЇНО, ПРОСИПАЙСЯ! БО ЗАСНЕШ НАВІКИ!”.

В то же время они соседствовали с постами, которые формировали и подпитывали позитивные ожидания и активность на выборах. Например следующими — “нам потрібна оптимістична філософія. Тому я за ЗЕленського”, или “идет на выборы вся моя семья. Дочь 20 — впервые. Сначала она говорила, что всё равно выберут “кого надо” и без неё, но я сказала, что мнение каждого очень важно, особенно выбор молодёжи. 5 наших голосов у В.Зеленского. Хочу для своих детей другую Украину!!! Давайте менять её вместе”.

Сомнения типа “хоть би один аргумент хтось привів — чому за Зеленського. Багато людей в роздумах. Чому вибирати його? Ви ж про щось дума-

ли. коли так писали. Один аргументик маленький — і буде ясно”, развеивались четкими меседжами типа “Вова Зеленский: народний. Крапка”.

Особенно поддерживалось и подпитывалось чувство принадлежности к сообществу, коллективная идентичность, которая формировалась на основе уникальности собственного вклада каждого в историю страны. Вот типичный пост подобной направленности: “Это будут самые крутые выборы за всю историю! Впервые в жизни мы им радуемся, у нас появилось желание туда идти, потому что есть достойный человек, за которого хочется поставить не одну галочку в бюллетене!”

И этот же меседж стал ключевым в обращении к сообществу после победы во втором туре: “Ми не зупиняємось на досягнутому — ми йдемо далі! Сьогодні перший понеділок нової історії — вже розроблюємо нові проекти, пишемо стратегію та проводимо аналіз зробленої роботи. Зустрічі, плани, розбір нововведень. Нам доведеться зробити більше, ніж багато. І ми зробимо це разом! Вперед до змін! Володимир Зеленський об'єднав країну! Тепер ми всі разом відповідальні за цю історію, що почалась ще чотири місяці тому! І ми зробимо все, щоб ця історія була найяскравішою!” Сформированную во время предвыборной кампании коллективную идентичность ядро будет стараться использовать и в дальнейшем для обеспечения электоральной поддержки на парламентских выборах.

В то же время в лагере другого кандидата П.Порошенко между первым и вторым туром выборов усилилась неформальная коммуникация его приверженцев в социальных сетях. Это движение в поддержку действующего Президента консолидировалось и после его поражения стало набирать обороты и в определенных организованных формах. В качестве примера можно привести возникновение “Руху 25%”, открытой группы на фейсбуке, коллективная идентичность которой осознается как единство “ответственных ценностно ориентированных граждан... которые хотят и делают реальные реформы, стремятся построить честное, европейское общество в Украине”. Декларируемая цель объединения “не “сидеть в кустах”, а работать ради успеха Украины”, но пока это скорее попытка сохранения единства, сформировавшегося на фоне противостояния в избирательной кампании. Основатели группы прямо отмечают: “Пусть нас пока всего 25%, но такого количества уже может оказаться достаточно, чтобы сберечь страну. Держитесь вместе!” Но без формирования организационного ядра движение вряд ли выполнит эту миссию.

Еще одну попытку создать ячейку активной поддержки курса страны, проводившегося П.Порошенко, предприняла группа активистов, создавшая общественную организацию “Справа Громад”. В своем главном послые она мало чем отличается от “Руху 25%”. На сайте общественной организации главная цель сформулирована как защита высшей ценности — сильного украинского государства, опирающегося на свободных и ответственных граждан. Организаторы прямо констатируют, что объединяются “вокруг Петра Порошенко, чтобы провести эффективную реформу народовластия в Украине”, а свою задачу видят в том, чтобы “розбудувати чималенький громадський рух”.

Насколько эффективными будут усилия с обеих сторон, сохранится ли активность Команды Зе, станут ли действительными общественно-политические движения, формирующиеся вокруг П.Порошенко, как будет происходить их взаимодействие с соответствующими партийными движениями, покажет кампания по выборам в Верховную Раду. Однако можно констатировать, что сегодня в стране имеет место неформализованная обществен-

но-политическая активность двух больших социальных групп, имеющих разные ожидания в отношении дальнейшего развития страны, однако их коллективная идентичность базируется в обоих вариантах на чувстве собственной ответственности за будущее Украины.

АЛЕКСАНДР ВИШНЯК,

доктор социологических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом социально-политических процессов Института социологии НАН Украины, Киев

Политическая ответственность органов государства: направления исследования

В современных политических науках и социологии понятие политической ответственности употребляется для обозначения ответственности органов власти за выполнение политических программ, за их решения, которые относятся к компетенции соответствующих органов власти, и ответственность за действия, направленные на реализацию этих решений.

При этом речь идет о политической ответственности органов исполнительной власти (правительств, администраций) перед представительскими органами власти (парламентом, местными советами и т.п.), предусмотренными Конституциями и законами той или иной страны. Эта ответственность в большинстве случаев законодательно оформлена. Сложнее выглядит вопрос об ответственности президентов (в странах, где существует институт президентской власти) и представительских органов власти. Фактически ответственность органов власти реализуется только путем выборов, когда избиратели могут выразить доверие или недоверие к этим органам на очередных или внеочередных выборах. Кабинет Министров Украины как высший орган исполнительной власти фактически несет двойную политическую ответственность как перед Президентом Украины, так и перед Верховной Радой Украины (хотя в редакции Конституции Украины 2004 года механизм реализации политической ответственности перед Президентом Украины юридически не прописан).

За период действия Конституции Украины в редакции 1996 года, то есть в 1996–2005 годах и с октября 2010-го по март 2014-го один раз Верховная Рада Украины (в мае 2001 года) выразила недоверие Кабинету Министров Украины (кабинет Виктора Ющенко), а в 1996-м Президент Украины отправил в отставку правительство Павла Лазаренко.

За период действия Конституции Украины в редакции 2004 года (с 2005-го по октябрь 2010-го и с 2014-го по настоящее время) Верховная Рада в марте 2010 года отправила в отставку, выразив недоверие, правительство Юлии Тимошенко, а президенты ни разу Правительство в отставку не отправляли, поскольку не предусмотрены механизмы политической ответственности Правительства перед Президентом.

Что касается политической ответственности областных государственных администраций перед соответствующими местными Советами, то не-

сколько раз за этот период местные советы двумя третями голосов выражали им недоверие, но вопреки Конституции президенты Л.Кучма и В.Ющенко ни разу не выполняли своих конституционных обязанностей и не отправляли в отставку глав ОГА.

Согласно редакции Конституции Украины 1996 года Верховная Рада могла понести политическую ответственность только за свою бездеятельность (если она в течение 30 дней не могла собраться на пленарное заседание), поэтому президенты ни разу в этот период не прекращали досрочно полномочий ВР Украины и не назначали досрочных выборов.

В соответствии с редакцией Конституции Украины 2004 года Президент Украины (Виктор Ющенко) дважды прекращал полномочия Верховной Рады Украины — в 2007 и 2008 годах. Хотя в 2007-м конституционных оснований для прекращения полномочий не было, досрочные выборы были проведены. А в 2008 году конституционные основания были, но еще не истек первый год полномочий новоизбранной Верховной Рады, поэтому Высший админсуд Украины отменил Указ Президента о роспуске Верховной Рады Украины.

Политическая ответственность Президента Украины реализуется только путем очередных выборов, если действующий президент баллотируется на второй срок. За период действий нынешней Конституции (и в редакции 1996-го, и в редакции 2004-го) один раз (в 2010 году) избиратели высказали недоверие действующему президенту Виктору Ющенко (занявшему лишь 5-е место в I туре голосования), в 1999 году на повторных выборах Леонид Кучма во II туре победил лидера КПУ Петра Симоненко. Но не потому, что имел высокий уровень доверия избирателей, а потому, что имел меньший уровень недоверия. А в 2014 году президент В.Янукович сбежал из страны после Майдана 2013–2014 годов.

То есть нельзя говорить, что украинские избиратели не готовы требовать политической ответственности от своих президентов.

А в еще большей степени они привлекают к политической ответственности партии на парламентских выборах, ведь ни одна из партий-победителей на парламентских выборах 1998 года не смогла победить на внеочередных 2004 года. При этом политическую ответственность на следующих выборах несут не только партии, представленные во власти, но и те, которые в парламенте декларируют свою оппозиционность.

ГУЛЬБАРШИН ЧЕПУРКО,

доктор социологических наук, старший научный сотрудник, заведующая отделом социальной экспертизы Института социологии НАН Украины, Киев

Роль государства в формировании ответственного общества

Одна из острых проблем нынешней Украины — это кризис ответственности. Существующие в украинском обществе социальные, экономические,

политические и экологические проблемы, неразвитость гражданских структур являются следствием безответственности разных субъектов социально-политического пространства: граждан, политиков, государственных и общественных деятелей, государственных служащих, собственников, предпринимателей, руководящих социально-политическими, экономическими и культурными процессами.

Формирование ответственного общества в Украине возможно лишь в условиях сформированности социальной ответственности у всех субъектов социального взаимодействия. В этом контексте особую значимость приобретает социальная ответственность государства как необходимое условие обеспечения устойчивого развития, основанного на согласовании интересов государства, человека, общества и бизнеса. Только на основе усиления социальной ответственности государства и его органов, политиков, общественных деятелей и органов местного самоуправления за свои действия можно достичь нового качественного уровня развития общества.

Теоретическим и практическим вопросам социальной ответственности государства посвящены научные работы отечественных ученых¹. Однако в работах этих авторов ответственности государства в формировании ответственного общества уделяется недостаточно внимания.

В триаде “общество — государство — бизнес” главенствующую роль играет общество как сложная социальная система, основным элементом которой являются люди со всеми их связями, отношениями и взаимодействиями. Важной подсистемой общества является государство как способ его организации, как управляющая подсистема общества. Будучи субъектом управления, государство реализует свои полномочия через законодательные, исполнительные и судебные органы, то есть через систему государственного управления.

Государственные органы отвечают за принятие и реализацию законов и законодательных актов, соблюдение конституционных прав и свобод граждан, за реализацию разрабатываемых ими социальных программ; должны обеспечивать эффективное функционирование всех сфер социальной инфраструктуры (образования, науки, здравоохранения, культуры и др.); контролировать соблюдение государственных социальных стандартов, расходование бюджетных средств, предназначенных на социальные потребности;

¹ Амоша, О., Новікова, О. (2011). Соціальна відповідальність в контексті розвитку людського потенціалу. *Держава і суспільство*, 1 (5), 122–127; Баюра, Д.О. (2012). Соціальна відповідальність як інструмент удосконалення корпоративного управління в Україні. *Теоретичні та прикладні питання економіки*, 27(1), 204–210. Отримано з: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Гре_2012_27%281%29__27; Грiшнова, О.А. (2011). *Соціальна відповідальність у контексті подолання системної кризи в Україні*. Отримано з: dse.org.ua/archive/15/3.pdf; Дейч, М.Є. (2014). Соціальна відповідальність національної еліти: проблеми становлення. *Вісник ОНУ імені І.І.Мечникова*, 19 (3/1), 155–160; Дейч, М.Є. (2014). *Становлення та розвиток багаторівневої системи соціальної відповідальності: управлінський аспект*. Донецьк: Ін-т економіки пром-сті НАН України; Новікова, О.Ф., Дейч, М.Є., Панькова, О.В. (2013). *Діагностика стану та перспектив розвитку соціальної відповідальності в Україні (експертні оцінки)*: монографія. Донецьк: Ін-т економіки промисловості НАН України; Колот, А. (2012). Соціальна відповідальність людини як чинник стійкої соціальної динаміки: теоретичні засади. *Україна: аспекти праці*, 3, 3–9; Охріменко, О.О., Іванова, Т.В. (2015). *Соціальна відповідальність* навч. посіб. Київ: НТУУ “Київський політехнічний інститут”.

выполнять другие функции социального характера, предусмотренные законодательством, соглашениями и договорами социальных партнеров.

Распределение социальной ответственности между разными уровнями государственной власти и местного самоуправления осуществляется в соответствии с национальным законодательством стран.

Утверждение принципов социальной ответственности в системе государственного управления неразрывно связано с формированием социального государства. Социальное государство не только концентрирует в себе консенсус общественных интересов, обеспечение равных прав и свобод, но и опирается на фундамент социальной ответственности всех членов общества за благосостояние и развитие страны¹. То есть взаимосогласованность общественных интересов в социальном государстве трансформируется в консенсус о необходимости обеспечения социальной ответственности всеми причастными к общественному развитию в стране: государством, личностью, бизнесом и обществом в целом. Таким образом, именно социальная ответственность всех субъектов объединяет участников общественного диалога вокруг приоритетных направлений государственной политики, а ее правовая определенность и востребованность характеризует страну как социальное государство².

Украина, согласно ст. 1 Конституции, считается социальным государством³, но, как справедливо отмечает В.Бабкин, отсутствует разработка концепции социального государства, осознание значения гуманизации общества, обеспечения человеческого измерения политики и права⁴. С этим трудно не согласиться, ведь разработка концепции социального государства не завершена, нормативная база не совершенна, а практическая реализация концепции социального государства вызывает ряд вопросов, ответы на которые нельзя считать позитивными.

Реализация принципов социального государства предполагает ответственность общества за условия существования каждого гражданина и одновременно ответственность каждого гражданина за формирование собственного благосостояния. В этом контексте в Основном законе и других нормативно-правовых актах утверждены базовые положения, фиксирующие обязательства государства в социальной сфере, в интересах благосостояния граждан в целом и разных социальных групп⁵. Речь идет не только и не столько о создании новой системы социальных гарантий, а прежде всего о задействовании социальных факторов обеспечения экономического роста в

¹ Охріменко, О.О., Іванова, Т.В. (2015). *Соціальна відповідальність*: навч. посіб. (с. 24). Київ: НТУУ “Київський політехнічний інститут”.

² Новікова, О.Ф., Дейч, М.Є., Панькова, О.В. (2013). *Діагностика стану та перспектив розвитку соціальної відповідальності в Україні (експертні оцінки)*: монографія.

³ Конституція України: прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 р. (1997). Київ: Преса України.

⁴ Бабкін, В.Д. (1998). Соціальна держава та захист прав людини. *Правова держава*, 9, 3.

⁵ *Декларація Верховної Ради УРСР від 16.07.1990 р. № 55-ХІІ “Про державний суверенітет України”*. Отримано з: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/55-12>; Основні напрями соціальної політики на 1997–2000 рр. (1997). Затверджені Указом Президента України від 18 жовтня 1997 р. № 1166/97. *Урядовий кур'єр*, 202–203; Основні напрями соціальної політики на період до 2004 року (2000). Схвалено Указом Президента України від 24 травня 2000 року № 717/2000. *Офіційний вісник України*, 21, 11–32.

системе мотивации социально ответственного поведения субъектов хозяйствования и наемных работников¹.

Социальная ответственность государства является одним из механизмов обеспечения качества и эффективности государственного управления. Реализация социальной ответственности государства зависит от качества и эффективности государственного управления, модернизации экономики, общественных отношений и управления, его нацеленности на сохранение и развитие человеческого потенциала, на формирование и создание условий для внедрения социальной ответственности личности, общества, бизнеса.

Обновление стиля мышления государственных служащих и переориентация требований об эффективности их деятельности с материально ориентированных количественных показателей на учет качественных факторов жизни общества могут стать одним из весомых рычагов повышения качества жизни общества. Признание взаимосвязанности экономических (количественных) и социальных (качественных) процессов предполагает и следующий шаг — признание гуманитарной составляющей фундаментальным критерием эффективности деятельности государственной власти.

Наиболее сложной и наиболее необходимой в продвижении социальной ответственности в системе общественных отношений для государства является задача, состоящая в формировании у личности черт социально ответственного человека с высокими моральными качествами, со стремлением к соблюдению социальных норм и реализации признанных в обществе ценностей.

Человек является главным аспектом государственного управления, на него влияют все институты общества. Незрелость социальной ответственности у личности является следствием их неэффективной деятельности. Социальная ответственность государства обязывает создавать условия для формирования и становления социальной ответственности в тех институтах, где осуществляется непосредственное влияние на сознание человека, его ценности, потребности и интересы.

Институт экономики промышленности НАН Украины осуществил научное исследование, предполагавшее проведение экспертного опроса. В опросе приняли участие 158 экспертов; среди них пять академиков НАН Украины; семь членов-корреспондентов НАН Украины; 79 докторов наук; 58 кандидатов наук; госслужащих, представителей правительственных структур, а также ученых без степени — 21. Экспертный опрос проводился с октября 2012 года по июль 2013-го. Больше всего экспертов приходилось на г. Киев (46) и г. Донецк (47). А далее эксперты распределились так: Черкассы (14), Харьков (13), Львов (7), Хмельницкий (5), Одесса (5), Днепропетровск (4), Винница (3). По два эксперта в Полтаве, Чернигове, Черновцах, Луганске, Ровно, по одному — в Запорожье, Сумах, Северодонецке, Севастополе, Симферополе, Житомире. Имеют ученую степень доктора наук 50%, кандидата наук — 35,4%, другие — с высшим образованием. Мужчин среди участников экспертного опроса 37%, женщин — 63%.

По результатам данного опроса, наибольшую степень влияния на сознание человека имеет семья (88,0%), на втором месте — средства массовой информации (48,1%), на третьем — система высшего образования (44,3%), на

¹ Деева, Н.М. (2016). Соціальна функція держави: практика і завдання бюджетного забезпечення. *Демографія та соціальна економіка*, 3 (28), 83–93.

четвертом — трудовой коллектив, предприятие (42,4%), на пятом — система среднего образования (41,8%)¹. Именно на эти институты должна быть направлена деятельность государства по формированию социальной ответственности личности.

Также по результатам экспертного опроса был определен высокий уровень влияния неразвитости социальной ответственности на уровень коррумпции (73,6%), конкурентоспособности (52,5%), развития человеческого потенциала (61,4%), выполнения международных обязательств в плане устойчивого развития (59,5%), реализации Глобального договора ООН — Украина (39,3%), а также степень реализованности международного стандарта ISO-26000 (55,7%) и требований внешних инвесторов относительно развития корпоративной культуры (48,1%)².

Наиболее серьезными препятствиями становлению социальной ответственности государства эксперты считают доминирование личностных интересов и лоббирование интересов бизнес-структур в системе государственного и регионального управления (73,4%), низкий уровень духовно-моральной культуры властной элиты (63,3%), концептуальную несформированность и нереализованность принципов социального государства (46,2%)³.

Принципы социального государства служат основой конструирования действий по регулированию общественных отношений, их содержание детализируется в актах национального законодательства и международных соглашениях. Одним из таких принципов является взаимная ответственность, предусматривающая четкое определение и распределение сферы социальной ответственности всех уровней власти и управления, социальных партнеров, общества и каждого гражданина, привлечение граждан к участию в управлении государством, создание условий саморегуляции социальных процессов со стороны индивидов и их общественных объединений.

Одним из способов привлечения населения к управлению обществом и государством является общественный контроль как разновидность социального контроля. Он выступает важной формой реализации демократии, поскольку позволяет населению участвовать в государственном управлении и в налаживании государственных и общественных дел, а также активно влиять на деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. Субъектами общественного контроля могут быть как отдельные граждане, так и их объединения. Отсутствие эффективного общественного контроля деятельности органов власти по мнению 43,7% экспертов является одним из серьезнейших препятствий становления социальной ответственности государства.

Около трети экспертов (от 38% до 33,5%) определили такие существенные препятствия на пути становления социальной ответственности государства, как неразвитость рычагов мотивации и стимулирования для активизации процессов социального инвестирования; отсутствие эффективных стимулов и регуляторов повышения социальной ответственности бизнеса; не-

¹ Новікова, О.Ф., Дейч, М.Є., Панькова, О.В. (2013). Діагностика стану та перспектив розвитку соціальної відповідальності в Україні (експертні оцінки): монографія.

² Там же, с. 113.

³ Там же, с. 113–114.

развитость законодательного и договорного регулирования социальной ответственности¹.

Социальная ответственность государства должна базироваться на определении и конкретизации обязанностей государства и его институтов по принятию и выполнению законов, нормативно-правовых документов, направленных на сохранение и эффективное использование человеческих и природных ресурсов, соблюдение в полном объеме государственных социальных гарантий и государственных социальных стандартов; создание условий и возможностей формирования и накопления человеческого и социального капитала².

Взаимодействие субъектов социально-политического пространства — граждан, политиков, государственных и общественных деятелей, государственных служащих, собственников, предпринимателей — на принципах повышения уровня социальной ответственности является одним из наиболее эффективных способов решения социальных проблем в разных сферах общественной жизни. Ответственные действия субъектов социально-политического пространства выступают необходимым условием формирования ответственного общества и консолидации украинской нации. Именно граждане, чувствуя социальную ответственность перед обществом и будущими поколениями, способны преодолевать свое отчуждение от общественно-политических процессов и активно участвовать в защите социальных и гражданских прав, контроле за деятельностью власти. В то же время социальная ответственность государства состоит в том, чтобы содействовать консолидации субъектов украинского социума ради достижения общей цели — утверждения в обществе социальной справедливости и солидарности, гражданских прав и свобод, развития нации.

ИГОРЬ МАРТЫНЮК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

НАТАЛЬЯ СОБОЛЕВА,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Специфика жизненного выбора в нестабильном обществе: диалектика свободы и ответственности

¹ Там же.

² Амоша, О., Новікова, О. (2011). Соціальна відповідальність в контексті розвитку людського потенціалу.

Ответственность — это основополагающая категория, на которой базируется вся система общественных отношений. Доверие, справедливость, солидарность, равенство, толерантность — все это основания определенного типа социального взаимодействия, каждое из них по своему историческому содержанию является сущностной характеристикой эпохи, но именно ответственность наравне со свободой являются первичными ценностями по отношению к другим, производным от них. В современном мире, отличающемся усилением взаимозависимости локальных и глобальных проблем, актору все труднее отгораживаться от проблем войны и мира, исторической перспективы и рационального использования природных ресурсов, социального неравенства и напряженности и т.п. Ответственность становится тем фундаментом, на котором выстраивается социальность в современном понимании, отвечающем динамичному миру рисков. Повышение и усложнение технического и технологического уровней повседневной жизни, рост насыщенности и интенсивности влияния информационных потоков, повышение повседневных психологических нагрузок обуславливают усиление требований ответственного отношения к жизни акторов на всех без исключения уровнях социальной реальности.

В философском дискурсе идея ответственности является составляющей представления о свободе воли в контексте трактовки свободы принятия решений с точки зрения их обязательности. Понимание ответственности задается пониманием свободы: если свобода — одна из предпосылок ответственности, то ответственность, в свою очередь, является одним из проявлений свободы; ответственность предполагает, что актор, совершая определенное действие, делает это сознательно, по собственной воле, имея возможность учитывать характер обусловленных действием последствий. Целесообразно напомнить метафорическое выражение В.Франкла, который, подчеркивая взаимосвязь ответственности со свободой, утверждал, что следовало бы вместе со статуей Свободы на восточном побережье Соединенных Штатов соорудить статую Ответственности где-то на западном.

Античная философия выводила ответственность из личных моральных добродетелей, считая ее проявлением нравственности. Такой весьма упрощенный подход оставлял открытым вопрос о природе и развитии общественных норм как критериев оценки.

Теологическая версия ответственности, доминировавшая в эпоху Средневековья, апеллировала к Богу как главной моральной инстанции. Соотнесение своих действий с моральным измерением Бога, как его понимает человек, служило окончательным и достаточным доводом в системе, где господствовало не доказательство, а вера. Такая система определения источников и условий ответственности достигла совершенства в протестантской морали, делавшей ненужным посредничество института церкви в отношениях человека с Богом, а значит, превращала вопрос об ответственности в средство саморегуляции и самоконтроля.

Для философского дискурса современности центральным моментом в прагматологической системе социальной регуляции неизменно остается диалектика адекватного соотношения свободы и ответственности.

Для социологии и социальной психологии это воплощается в понятии жизненного выбора. Онтологическое понимание свободы как относительно самостоятельного жизненного выбора, с одной стороны, основывается на свободе воли, которая определяется мировоззрением и самосознанием лич-

ности, опосредованно обусловливаемыми особенностями процесса социализации, то есть габитуальными свойствами индивидуального актора. С другой стороны, ответственность как средство упорядочения взаимодействий с социальными акторами разного уровня опирается на общественные зависимости, заложенные общественно-историческими условиями, имеющими определенные ценностные основания (политические экономические, идеологические, морально-правовые, культурные). Почву субъективности, как правило, образуют требования, предписания, нормы, ожидания, правила, не лишенные определенного люфта, а значит и пространства для вариативности и изменчивости по сравнению с ценностными представлениями, официально легитимированными в социуме.

В этих концептуальных рамках мир принимается в его реальности, со всеми противоречиями и недостатками, поэтому алгоритм познания закономерностей формирования и функционирования принципа ответственности включает анализ интересов, потребностей, целей акторов, средств их удовлетворения при условии полной готовности субъекта нести ответственность за те последствия своих действий, которые он должен был или мог предвидеть. Диалектика формального и неформального, злободневного и исторического, терминального и повседневного схвачена тут во всей ее многогранности.

Остается лишь удивляться ограниченности исследований ответственности в социологической сфере, ведь права, обязанности и ответственность — те “три кита”, на которых зиждется вся система социального взаимодействия. Ответственность — отношение зависимости актора от кого-либо, воспринимаемое им как основа принятия решений и/или осуществления действий, направленных на воплощение в жизнь выбранных ценностных приоритетов. Сферой применения принципа ответственности является все пространство жизни: от проблем окружающей среды, вершин познания и будущего грядущих поколений до повседневных будничных практик вроде выгула домашних животных или заботы о цветах. В результате сложного переплетения экономических, политических, культурных, информационных, технологических и многих других факторов, воздействующих на сферу как межличностного, так и надличностного, институционального взаимодействия социальных субъектов, возникает множество принципиально новых жизненных ситуаций, корректируются в сторону увеличения меры ответственности средства жизненного выбора, изменяется характер функционирования моральных ценностей, преемственность и накопление социального опыта.

Современность диктует акторам свои законы ответственности, согласно которым они должны стать более самостоятельными, решительными, уметь выбирать решение в условиях дефицита времени и нелинейности, неопределенности ситуации и нести ответственность за сделанный выбор. Вместе с тем все более неприемлемыми становятся непродуманные и легкомысленные действия, поскольку техническая мощь человечества возросла в такой мере, что ошибочное, безответственное решение может иметь масштабные последствия и привести к необратимым в своей губительности результатам. Вспомним известные техногенные катастрофы, хотя бы тот же Чернобыль, чтобы наглядно продемонстрировать, насколько долгосрочный и всеохватывающий характер имеют последствия безответственных действий, безотносительно к “благим намерениям” тех, по чьей вине возникли эти обстоятельства.

Характерным признаком современного этапа общественного развития является то, что в результате стремительного ускорения темпов общественной жизни усиливаются многочисленные противоречия, в частности и в области духовного развития человека. Нормы, традиции, предписания и экспектации, ценности, культурные поведенческие паттерны, стигмы, обуславливающие социальное поведение индивида, изменяются с определенным лагом в сопоставлении с производственной, культурной и даже институциональной средой, оставаясь во многом наследием социальных практик предыдущих поколений. Человек современности оказывается в бурном водовороте разноплановых событий, и зафиксированные в социальной памяти традиции, кодексы, накопленный в иных общественных условиях жизненный опыт не могут служить эффективными саморегуляторами. В этих условиях центр притяжения смещается в сторону универсального средства адекватного реагирования на калейдоскопические изменения конфигураций социальных условий и ситуаций — в сторону ответственного отношения к жизни.

Своеобразие современного процесса формирования духовного мира человека заключается в том, что постоянные энергетические, информационные, экологические риски и кризисы постоянно порождают новые проблемы, которые не могут быть качественно разрешены с использованием прагматического подхода, а требуют более широкого ценностного обоснования. Превращение при этом жизни индивида в предмет его сознательной и ответственной творческой деятельности подчеркивает особое значение именно творческого потенциала в сочетании личностных возможностей и предоставленных обществом жизненных шансов. Именно ответственность за полученную возможность реализовать себя служит противовесом прагматическому измерению жизни. Умение управлять собственной судьбой, выбирать приоритеты и подчинять им обстоятельства собственного жизненного пути возрастает, когда потребность в творчестве, самореализации не только выходит на первый план, но и подкрепляется навыками ответственного отношения.

Кульминацией этого творческого поиска, его узловыми моментами становится осуществление жизненных выборов. Жизненный выбор обозначает бифуркационную точку в развитии личности, когда принимаются решения по кардинальным проблемам своей дальнейшей жизни, личностный способ приобщения к общественным культурным ценностям и практикам. Предметным полем жизненного выбора способна служить любая из сфер жизни, любая из социальных или групповых ролей со всем комплексом связанных с ней норм, предписаний, санкций и ожиданий, ведь рано или поздно человек должен самоопределился с типичным набором социально-возрастных функций. Жизненный выбор может осуществиться мгновенно, особенно в критической, экстремальной ситуации, однако чаще это развернутый во времени процесс “работы души”, моральной рефлексии, ведущий обычно к изменениям в субъективной социальной реальности. Так или иначе, речь идет о выборе одной из линий развития личности (гражданской, профессиональной, матримониальной и т.п.) или общей ориентации относительно дальнейшего жизненного пути, о процессе, в котором в итоге интегрируются нравственно-мировоззренческий, ценностно-целерациональный и деятельностно-поведенческий аспекты. Но в любом случае в качественном измерении их сочетание будет непосредственно зависеть от степени ответственности субъекта при осуществлении выбора.

Социальная ответственность предполагает, что человек может выбирать саму роль, но, выбрав ее, в дальнейшем обязан подчинить себя ее функционалу. В случае ролевой ответственности личность ограничивается одним выбором той или иной роли с самого начала, а потом живет по сценарию этой роли. Специфической чертой современности является то, что устоявшийся ролевой набор сменяется динамичным, субъекту приходится выбирать жизненно важные решения в условиях постоянного цейтнота, а часто и противоречивости требований разных своих ролей. Поэтому свобода выбора возлагает и повышенную ответственность на ее субъекта, а ответственность, в свою очередь, налагает определенные ограничения на свободу его действия вследствие сделанного выбора.

АЛЕКСАНДР РАХМАНОВ,

доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Методологические проблемы исследования социальной ответственности бизнеса в Украине

После обретения независимости перед Украиной встала задача реализации рыночных преобразований. Либерализация экономической жизни позволила активным людям заняться малым и средним бизнесом. Теневая приватизация государственного имущества породила крупный бизнес. И в течение десятилетий частный сектор постепенно вытеснил государственный. В итоге бизнес стал ключевым игроком во взаимоотношениях с государством и обществом. Поэтому ответственная роль тоже существенно возросла. Несмотря на изменения в структуре экономики остается актуальным вопрос о различиях между частным и государственным секторами в осуществлении мер социальной ответственности бизнеса.

Социальная ответственность бизнеса (в западной литературе более распространен термин — корпоративная социальная ответственность) означает, что предприятия должны сбалансировать приносящую прибыль деятельность с деятельностью, приносящей пользу обществу. Это предполагает развитие бизнеса с позитивным отношением к обществу, в котором он действует.

С социологической точки зрения, суть социальной ответственности бизнеса заключается в достижении коммерческого успеха путем соблюдения этических ценностей и уважения к людям, общинам и природной среде. Термин “социальная ответственность бизнеса” означает действия, отвечающие правовым, этическим, коммерческим и прочим ожиданиям со стороны общества в отношении бизнеса. Кроме того, социально ответственными являются те решения, которые в состоянии сбалансировать претензии всех ключевых заинтересованных сторон, причастных к функционированию бизнеса. В этом смысле социальная ответственность бизнеса рассматривается как комплексный набор политик, практик и программ, интегрирован-

ных в бизнес-операции, цепочки поставок и процессы принятия решений в компании, и определяется ответственностью за текущие и прежние действия, а также их будущие последствия. Проблемы, на которых компании сфокусированы в сфере социальной ответственности, разнятся в зависимости от типа бизнеса, его размера, сектора экономики и региона. В своих наиболее широких категориях социальная ответственность бизнеса обычно охватывает вопросы, связанные с деловой этикой, инвестициями в общины, окружающей средой, управлением, правами человека, рынком и рабочим местом. В переходных обществах наряду с этими вопросами особую роль играет соотношение бизнеса с политической средой.

Исследования социальной ответственности бизнеса в Украине преимущественно сосредоточены в сфере экономической дисциплины. Те единичные попытки, которые на основе социологических опросов стремятся изучить мотивацию бизнеса в плане социальной ответственности на фоне украинских реалий, лишь частично верифицируют западные наработки в социологическом контексте. В частности, отечественные опросы представителей бизнеса показывают динамику внедрения украинским бизнесом политики социальной ответственности, а именно представления его участников о содержании социальной ответственности бизнеса, фактической реализации социально ответственных мер, их факторах и мотивах, наличии стратегий воплощения в организационном управлении предприятий. Также можно выявить соотношение политики социальной ответственности бизнеса по критериям масштаба предприятий, формы собственности, сферы деятельности и т.п.

Различия в основаниях формирования крупного, среднего и малого бизнеса, государственной или частной формы собственности отражают особенности их ценностей и практик в реализации соответствующих мер. В широком значении ответственность бизнесмена указывает на его способность в качестве социального субъекта отвечать за свои поступки и положение дел в среде жизнедеятельности. Бизнесмен в ходе своей профессиональной деятельности не только возлагает на себя ответственность за свои результаты в виде получения или неполучения выгоды, но и утверждает таким образом ценностное отношение к себе как субъекту действия в определенной среде и как гражданину страны, в которой он проживает. Исследователи часто концентрируют внимание на психологических аспектах склонности предпринимателей к ответственности, используют методику определения локуса контроля. Существует ряд исследований локус-контроля предпринимателей; их результаты демонстрируют различия в этом измерении между предпринимателями и непредпринимателями, а также позволяют дифференцировать успешных предпринимателей от неудачников. Выяснилось, что успешные предприниматели проявляют гораздо большую интернальность, чем те, кто в результате деятельности разорился.

И наконец, социологический подход должен концентрироваться на общественных ожиданиях общества касательно места бизнеса в социальной структуре и на его действиях в экономике и публичной сфере страны. Регуляторное давление государственных органов заставляет бизнес разного масштаба обращать внимание на такие аспекты, как этическое поведение, правила охраны здоровья и безопасности, а также минимальная заработная плата и рабочее время. Кроме того, новая эра современных технологий, таких как интернет и мультимедиа, обеспечила потребителям и группам давления воз-

возможность постоянно наблюдать за деятельностью бизнес-корпораций. В массовом сознании сформировались определенные стереотипы “социально ответственных” предприятий. Вследствие этого предприятия, воспринимающиеся как “социально ответственные”, могут укреплять свой бренд и повышать производительность своей организации. То есть их приверженность политике социальной ответственности делает производительность их предприятий более прибыльной и обеспечивает им конкурентные преимущества.

ЮРИЙ САПЕЛКИН,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной экспертизы Института социологии НАН Украины, Киев

Ответственность государства

Исследование ответственности государства, во-первых, является одной из актуальных проблем современной науки, одним из направлений теоретической работы, достижения которой представляют собой методологическую основу для профессионального управления социальными процессами¹, во-вторых, это необходимо для совершенствования процесса государственного управления, являющегося непрерывным, незавершаемым и не зависящим от уровня развития страны. К примеру, ныне “в 20 из 27 государств — членов ЕС актуальны инициативы по реформированию государственного управления, поскольку перед каждым из них стоит множество вызовов касательно эффективности и действенности собственного управления, на которые нужно отвечать”². Следует также отметить, что принятая в Украине Стратегия реформирования государственного управления на 2016–2020 годы, по оценке экспертов Реанимационного пакета реформ (РПР), “по состоянию на 31 марта 2018 г., выполнена на 47%”. По их мнению, похоже на то, что “блицкрига реформы государственного управления в Украине в действительности не произошло, поэтому следует готовиться к длительной окопной войне за ее реализацию”³.

Эта проблема многогранна (рассматривается в рамках разных наук — социологии, политологии, конфликтологии, социологии управления, менеджмента и т.п.) и сложна. Последнее становится очевидным из возможных ответов на ряд вопросов.

¹ Шульга, М. (2015). Ідентичнісна безвідповідальність як перешкода на шляху соціальної інтеграції. *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін*. 2 (16), 268–269. Київ: Інститут соціології НАН України.

² Сикс, У., Вирант, Г. (2018). Что означает отчет SIGMA для государственного управления в Украине? *Зеркало недели*, 37, 3.

³ Сорока, С. (2018). Реформа государственного управления — пройти точку невозврата до выборов. *Зеркало недели*, 47, 4.

Во-первых, если ответственность государства, то какого государства? Ответственность авторитарного государства абсолютно отлична от ответственности государства демократического, особенно в случае современных развитых стран западноевропейской цивилизации. К тому же, если учесть, что политические (демократические и авторитарные) режимы крайне разнообразны, то *вопрос о субъекте ответственности* в рамках государства значительно усложняется. Он усложняется и потому, что вопрос об ответственности государства (как и сама ответственность) состоит из вопросов об ответственности его институтов, органов и организаций. Так, вопрос о доверии населения в мониторинге, с 1992 года проводимом Институтом социологии НАНУ, предполагает определенные государственные органы — полицию (милицию), прокуратуру, суд, президента, парламент, правительство, местные органы власти, армию, банки (государственные).

Второй важнейший вопрос об ответственности государства: *ответственность государства перед кем? Точнее: перед кем и почему?* В социологии, политологии и других науках в разных формах и интерпретациях доминирует наиболее абстрактный ответ: народ является источником государственной власти; именно между народом и государством заключается общественный договор, в первую очередь, посредством конституции как основного закона и базы законотворчества, договора о стабильности государства и его ответственности перед народом.

В рамках конституции устанавливаются и юридически фиксируются взаимные права и обязанности обеих сторон: государства перед народом (населением и гражданами) и народа перед государством. Если конкретнее, государство обязуется обеспечить народу достойный уровень благосостояния и существования, а также безопасность населения — как внутреннюю (например, от преступности), так и внешнюю (от агрессии внешних врагов). С одной стороны, эти задачи предполагают устранение разного рода рисков, вызовов и опасностей. С другой — при помощи эффективного развития государства (роста ВВП и т.д.).

Это реализуется путем организации и реализации адекватной внутренней и внешней политики государства. Такие политики предусматривают соблюдение государством законов (особенно конституции), установление определенных рамок свободы, прав человека и гражданина, возможности выполнения индивидом тех или иных функций (в современный период, в первую очередь, экономических) и конкретных действий. То есть в наиболее абстрактном и наиболее общем смысле государство несет ответственность перед народом.

Однако народ имеет сложную структуру — социально-классовую, социально-политическую, этнокультурную и т.п. В нем могут возникать и формироваться разные относительно самостоятельные части. Например, говорят о большей части народа, его меньшей части, активной и пассивной, молчаливой (молчаливое большинство), растерянном¹, деморализованном²,

¹ Головаха, Е. (1999). Анкета “Дня”. Евгений Головаха: Эгоизм элиты приводит к красно-коричневой альтернативе. *День*, 5 октября.

² Головаха, Е. (2010). *Игра с классиком. Книга для думающих людей* (с. 40). Киев: Ин-т социологии НАН Украины.

аморальном большинстве¹, а также о региональных частях (донецкие, винницкие, киевские...), о языковых частях (украиноязычные, русскоязычные) и др. Каждая из таких частей народа, имея свое представительство в верхах государственного аппарата и в политическом классе, имея некоторую поддержку со стороны других частей народа, проявляя активность, может присвоить себе статус народа как такового, выступать от его имени и навязывать государству себя в качестве истца.

Собственно государство в некоторых, возможно, ограниченных сферах начинает нести ответственность прежде всего не перед народом, а перед другими субъектами, включая отдельные лица. Так, в рамках авторитарных и диктаторских политических режимов государство несет ответственность перед диктатором, как бы его ни называли — президентом, премьер-министром или как-то иначе.

Следует отметить, что у государства есть и международная ответственность — перед иностранными истцами, например у государства Украина — перед МВФ. Указанное расщепление субъекта ответственности и истцов создает условия для снижения степени ответственности, появления безответственности, что проявляется в конфликте интересов, двойных стандартах, коррупции и т.п.

Важнейшим третьим вопросом касательно ответственности государства является следующий: *за что должно нести ответственность государство?* Варианты наиболее общих и наиболее абстрактных ответов описаны выше (благополучие, безопасность, развитие и т.п.). Однако эти стратегические цели не отражают конкретности и историчности; они не отражают непосредственных потребностей и интересов конкретного населения (народа) как основного истца к государству. В этом плане важна информация, получаемая при проведении Институтом социологии НАНУ упомянутого выше мониторинга.

Мониторинг позволяет установить обратную связь: “государство — население (народ)”, но при желании и воле обеих сторон, что, бесспорно, должно способствовать эффективности и профессионализму управления. В частности, становится понятным, за что должно нести ответственность государство в конкретный момент времени. Например, вопрос “Как Вы считаете, чего люди опасаются сейчас больше всего?” предполагает 17 возможных конкретных вариантов ответа (рост преступности, безработица, нападение внешнего врага на Украину и т.п.), и ответы респондентов позволяют понять, каковы самые большие и самые актуальные опасности для населения, по их мнению, то есть на что должно направить свои усилия государство, чтобы реализовать свою ответственность перед народом и этим доказать, обосновать свою состоятельность. Среди ответов на этот вопрос в мониторинге 2017 года преобладает (77,2%) мнение, что: “люди более всего сейчас опасаются роста цен”; 62,8% опрошенных опасаются “невыходы зарплат, пенсий и т.п.”; далее по мере значимости: “опасение безработицы” — 60,6%; “опасение роста преступности” — 42,8%; “опасение нападения внешнего врага на Украину” — 38,4%².

¹ Трофимова, Н. (2003). Феномен “аморального большинства”. *День*, 28 января.

² *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін* (2017). Київ: Інститут соціології НАН України, 4(18), 548.

Ответы респондентов на другой вопрос мониторинга: “Что, по Вашему мнению, в наибольшей мере влияет на рост напряженности в обществе в последнее время?”, — расширяют поле понимания и, как и ответы на предыдущий вопрос, указывают на то, за что конкретно на этот момент, с точки зрения респондентов, должно нести ответственность государство. Тогда как ответы на вопрос: “Кто, по Вашему мнению, своими действиями (бездейтельностью) более всего влияет на ухудшение ситуации в нашей стране?” — помогают понять, какие органы государства (руководство государства — президент, правительство, Верховная Рада; политики; судьи; сотрудники правоохранительных органов — полиция и прокуратуры) проявляют наибольшую бездейтельность и безответственность в рамках своих статусных и должностных полномочий при выполнении своих функций и обязанностей. Отсюда можно прийти к выводам о необходимости изменения кадрового состава органов государственной власти либо изменения их функций. По данным мониторинга 2017 года, большинство респондентов возлагают ответственность за ухудшение ситуации в стране на президента, правительство и Верховную Раду (74,3%); на политиков (51,5%); на олигархов (42,2%); на судей (20,8%). Интересно, что несмотря на развязанную Россией войну против Украины, только 27,8% респондентов считают, что именно руководство Российской Федерации своими действиями влияет на ухудшение ситуации в Украине¹.

Ответы респондентов на вопрос: “Что, по Вашему мнению, в наибольшей мере будет способствовать снижению напряженности в обществе на данный момент?”, — нацеливают на понимание того, что и как, по мнению народа, необходимо сделать, чтобы содействовать способности государства и его ответственности, и кто это должен сделать. В частности, необходимы: искоренение коррупции во властной верхушке страны (и виновные должны понести реальное наказание) — на это в мониторинге 2017 года указали 61,8% респондентов; реализация проектов, направленных на улучшение материального положения и условий жизни людей (восстановление государственного контроля над ценами, тарифами, повышение зарплат и пенсий, реальные изменения в сфере медицины и образования и др.) — 49,8%; достижение реального прогресса в ситуации на Донбассе (прекращение военных действий, освобождение пленных, разведение сторон столкновения на наиболее безопасные позиции и др.) — 40%; отставка Кабинета Министров — 14,4%; проведение в ближайшее время внеочередных выборов президента — 11,6%; проведение внеочередных выборов в парламент — 7,4%².

Отметим, что приведенный выше материал, во-первых, не исчерпывает всех возможностей для исследования ответственности государства по данным мониторинга. Во-вторых, он не охватывает всех реальных и возможных аспектов ответственности, например, связанных с вырубкой лесов, состоянием автомобильных дорог, загрязнением воды и т.п.

Важной проблемой (вопрос четвертый) ответственности государства является выяснение механизма реализации (осуществления) его ответственности перед народом-истцом, или каким образом и какую конкретную ответственность несет государство как субъект ответственности. Наиболее

1 Там же, с. 528.

2 Там же, с. 529.

общий ответ — выборы или электоральный бойкот. Государство, власть, все субъекты ответственности государства заинтересованы в как можно более высокой явке электората на выборы, иначе они могут быть признаны не состоявшимися (из-за порога явки), как и само конкретное государство, существующее в момент выборов в стране. Собственно, складывается ситуация, когда население, не выполняя свой гражданский долг (участие в выборах), отказывается от ответственности и тем самым протестует против безответственности государства, его отказа от выполнения своих обязанностей (в частности, от создания для населения благоприятных условий жизни). Население отвечает отказом в легитимности государству, занимает позицию абсентеизма. И эту позицию ее сторонники объясняют аргументом: “Я не надеюсь на выборы, потому что не верю, что от их результатов изменится моя жизнь”. Полностью согласны с этим аргументом в 2017 году были 35,9% опрошенных, а еще 31,6% были скорее согласны¹.

С другой стороны, участвуя в выборах и реализуя протестный потенциал, население может проголосовать против всех (отказ от такого пункта в бюллетене искажает волю избирателей, ограничивает их волю и является политической ошибкой, обнаруживая отказ государства от своей ответственности). Кроме того, избиратели могут сознательно и намереваются (по определенным мотивам) “портить” бюллетени, неправильно их заполняя. Однако важнейшей составляющей протестного голосования является отказ в доверии неэффективным субъектам ответственности государственного управления, которые отстранились от своих прямых обязанностей (функций), — президенту, Верховной Раде, правительству, входящим в коалицию партиям, отдельным депутатам и т.п. В таком случае голосованием против них становится голосование за оппозиционных кандидатов.

Но существуют и другие механизмы реализации ответственности: снятие неприкосновенности, отзыв депутатов, отказ в доверии правительству, импичмент президента, выяснение отношений с субъектами ответственности в суде и т.д.

Существенной составляющей механизма ответственности государства является наличие в стране гражданского общества, противостоящего государству. Именно этот механизм благодаря иницируемым им общественным и юридическим процедурам может стать актуализатором протестных акций. Однако, по мнению многих исследователей, в Украине гражданское общество находится на начальной стадии становления, поскольку отсутствует его массовая социальная база — средний класс.

Отказ избирателей от участия в выборах — это лишь один из аспектов более широкого феномена — отказа граждан от участия в политике в целом. Возникновение этого феномена объясняется несоответствием субъектов ответственности государства своим прямым функциям. Так, на вопрос “В какой мере Вас интересует политика?”, в 2016 году 26% респондентов ответили, что “совсем не интересует” и только 13% — что “очень интересует”. Подобные опросы проводились Институтом социологии НАНУ с 1992 года, и следует отметить, что с течением времени доля тех, кто интересуется политикой, значительно колебалась — от 30,4% в 1996 году до 11,3% в 2005-м. Число респондентов с противоположной позицией также колебалось за этот период — от

¹ Там же, с. 496.

21,1% в 2005 году до 7,1% в 2013-м¹. Кроме того, в 2016 году 82,1% опрошенных заявили, отвечая на вопрос: “Членом какой из общественных или политических организаций Вы являетесь?”, — что “не принадлежат ни к каким общественным, политическим организациям или движениям”².

Собственно, в рамках выборов происходит артикуляция и презентация интересов населения, а также оценка им степени ответственности/безответственности государства.

Считается, что такого рода отчетность означает оценку положения дел в сфере государственного управления Украины. В рамках дебатов по поводу подобных оценок “большинство экспертов соглашается, что реформа государственного управления — одна из самых важных в Украине, основа всех изменений. Ведь трудно разработать и реализовать любую важную реформу, если государственная служба не в состоянии разрабатывать качественные планы и предложения и эффективно руководить их осуществлением”³.

Напоследок стоит отметить: проблема анализа ответственности государства остается актуальной для научных кругов любого государства, поскольку имеет праксеологическое значение. В поле их исследования попадают многочисленные и разнообразные вопросы, их круг постоянно расширяется, как расширяется и система используемых понятий. В данном материале затронуто ограниченное количество вопросов, представляющих наиболее значимыми, а ответы на них могут быть очень разными и даже противоречивыми.

Предложенные ответы на отобранные для рассмотрения вопросы могут способствовать повышению эффективности государственного управления страной, а также послужить методологической базой его реформирования.

ВЛАДИМИР РЕЗНИК,

доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом истории и теории социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Динамика социальной ответственности пророссийски и проевропейски ориентированных граждан Украины в 2013–2018 годах

¹ *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін* (2016). Київ: Інститут соціології НАН України, 3(17), 431.

² Там же, с. 433.

³ Сикс, У., Вирант, Г. (2018). Что означает отчет SIGMA для государственного управления в Украине? *Зеркало недели*, 37, 13.

Данные социологического мониторинга и омнибуса Института социологии НАН Украины¹ показывают, что в течение 2013–2015 годов выросли доли респондентов, декларирующих частичную собственную ответственность за положение дел в Украине в целом и в своем “городе или селе” (рис. 1 и 2).

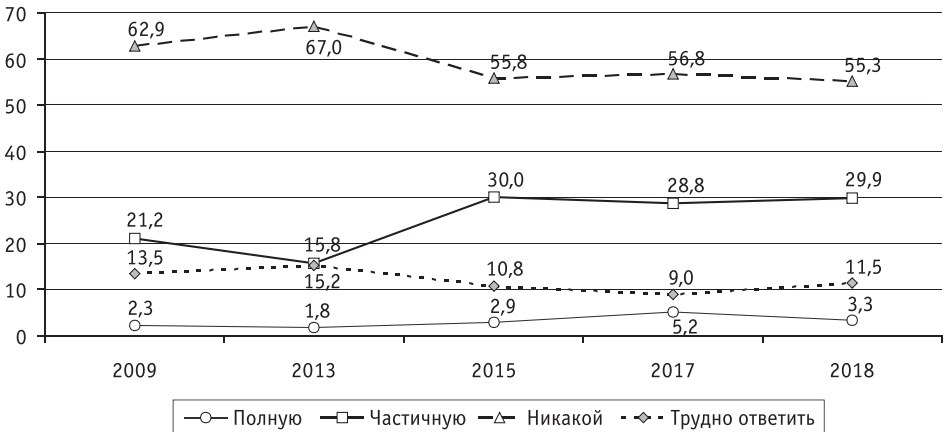

Рис. 1. Динамика распределения ответов на вопрос “Какую личную ответственность Вы несете за положение дел в целом в Украине?” (% к количеству опрошенных)

Не исключено, что восприятие и осознание экстремальных обстоятельств в жизни общества на рубеже 2013–2014 годов, необходимость адекватно реагировать на вызовы существованию украинского государства могли отразиться на уровне чувства собственной ответственности граждан. Но на этой общественной тенденции также отразилось размежевание социальной общности на пророссийски и проевропейски ориентированных граждан. Среди оснований этого размежевания в современном украинском обществе — его геополитическое европейское или евразийское направление интеграции и статус русского языка в Украине.

¹ Общенациональный социологический мониторинг с 1992 года проводится Институтом социологии НАН Украины в рамках многолетнего проекта “Украинское общество: мониторинг социальных изменений”. Руководитель проекта — В.Ворона, авторы программы проекта — Е.Головаха и Н.Панина. Выборка общенациональных мониторинговых опросов 1992–2018 годов пропорционально репрезентирует взрослое (в возрасте от 18 лет) население 24 областей Украины (в 2015–2018 годах опрос не охватил отдельные районы Донецкой и Луганской областей (ОРДЛО), попавшие под контроль сепаратистско-террористических группировок), АР Крым (за исключением 2014–2018 годов, когда опрос в Крыму после его аннексии Россией не проводился) и г. Киева. Выборка трехступенчатая, стратифицированная, случайная, с квотным скринингом на последней ступени (авторы выборки: Н.Панина, Н.Чурилов). Опросы проведены методом самозаполнения анкет в мае 1992 г. ($N = 1752$), мае 1999 г. ($N = 1810$), январе 2000 г. ($N = 1810$), январе 2001 г. ($N = 1800$), феврале–марте 2002 г. ($N = 1799$), феврале 2003 г. ($N = 1800$), феврале 2004 г. ($N = 1800$), марте 2005 г. ($N = 1800$), апреле 2006 г. ($N = 1800$), апреле 2008 г. ($N = 1801$), марте–апреле 2010 г. ($N = 1800$), апреле–мае 2012 г. ($N = 1800$), июне–июле 2013 г. ($N = 1800$), июле–августе 2014 г. ($N = 1800$), июне–июле 2015 г. ($N = 1802$), июне–июле 2016 г. ($N = 1802$), июне–июле 2017 г. ($N = 1800$) и сентябре–октябре 2018 г. ($N = 1800$). В 1992–2014 годах полевой этап исследования был организован центром “СОЦИС”, в 2015–2018 годах — Благотворительным фондом “Интеллектуальная перспектива”.

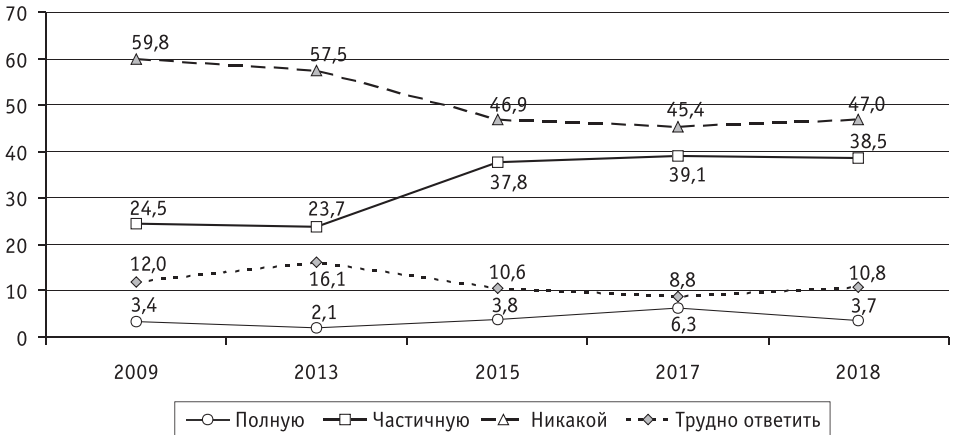

Рис. 2. Динамика распределения ответов на вопрос “Какую личную ответственность Вы несете за положение дел в Вашем городе или селе?” (% к количеству опрошенных)

Инструментарий социологического мониторинга Института социологии НАН Украины содержит показатели, позволяющие отслеживать отношение к идеям “присоединения Украины к союзу России и Беларуси” (далее “союз России и Беларуси”) и “вступления Украины в Европейский Союз” (далее — “Евросоюз”) и мнения по поводу необходимости “предоставить русскому языку статус официального в Украине” (далее “Русский язык”). Выяснение особенностей дифференциации респондентов по уровню их пророссийской или проевропейской ориентации должно учитывать их локализацию в условном пространстве самоопределений, которое моделируют шкалы исходных указанных показателей мониторинга (рис. 3).

Горизонтальные оси-измерения этой пространственной модели составляют шкалы показателей геополитических ориентаций респондентов. Пересечение этих горизонтальных осей образует своеобразную “плоскость” геополитического (цивилизационного) самоопределения опрашиваемых. Это самоопределение может быть: а) однозначным — предполагать ориентацию на “союз России и Беларуси” и исключать ориентацию на “Евросоюз” или наоборот; б) менее однозначным — сочетать ориентацию “союз России и Беларуси”/“Евросоюз” с позицией неопределенности “Трудно сказать” в отношении альтернативного геополитического направления; в) отсутствующим — в случае выбора средней позиции шкал “Трудно сказать”; г) амбивалентным — сочетать одновременно ориентации “союз России и Беларуси” и на “Евросоюз”. Вертикальную ось-измерение составляет шкала показателя самоопределения касательно статуса “русского языка” в Украине. Пересечение этой оси с двумя другими дополняет модель трехмерного пространства классификации опрашиваемых по мере их пророссийской ориентации.

Попытка подобной классификации путем быстрого кластерного анализа (метод K -средних) предпринималась ранее¹. То есть процедура кластеризации была применена в пространстве шкал непосредственно измеряемых

¹ Резнік, В. (2017). (Де)легітимація соціального порядку та уподобання щодо модернізації його засад в сучасній Україні: передумови і тенденції. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 1, 65–102.

показателей языковых и геополитических предпочтений (рис. 3). При этом позициям шкал соответствовали следующие значения баллов: а) показатель “союз России и Беларуси”: 1 балл — “скорее положительно”, 2 балла — “трудно сказать”; 3 балла — “скорее отрицательно”; б) показатель “Евросоюз”: 1 балл — “скорее отрицательно”, 2 балла — “трудно сказать”; 3 балла — “скорее положительно”; в) показатель “русский язык”: 1 балл — “так”, 2 балла — “трудно сказать”; 3 балла — “нет”. Теперь такая попытка кластеризации воспроизведена с расширением эмпирической базы моделирования за счет привлечения новых данных мониторинговых исследований Института социологии НАН Украины за 2017 и 2018 годы. Таким образом получена классификация в виде 2-кластерного решения (табл. 1).

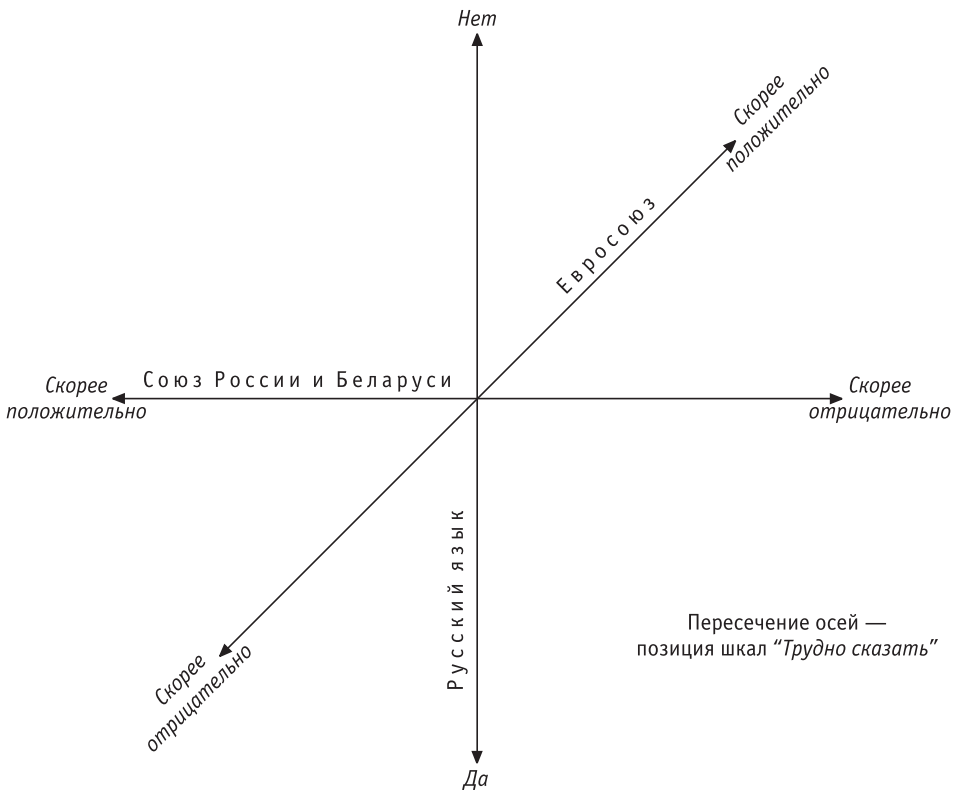

Рис. 3. Моделированное трехмерное пространство языково-геополитического самоопределения респондентов

На каждом массиве данных опросов 2000–2018 годов выделено по 2 кластера, которые внутренне однородны и существенно разнятся между собой. В решениях с большими количествами кластеров последние оказались сравнительно меньше внутренне однородными и меньше разнящимися между собой. Интерпретация полученных 2-кластерных переменных каждого года возможна на основе сравнения финальных центров их кластеров — средних значений (баллов) непосредственно измеренных исходных показателей кластеризации для каждого кластера (табл. 2).

Таблица 1

**Результаты кластерного анализа: наполненность кластеров,
классифицированные и неклассифицированные объекты
(респонденты), n**

Год на- блюдения	Наполненность		Классифициро- ванные объекты	Неклассифициро- ванные объекты
	Кластер 1	Кластер 2		
2000	957	841	1798	12
2002	737	1044	1781	18
2004	724	1059	1783	17
2005	1095	700	1795	5
2006	781	1019	1800	0
2008	756	1039	1795	6
2010	843	950	1793	7
2012	1001	787	1788	12
2013	787	1003	1790	10
2014	726	1056	1782	18
2015	659	1096	1755	47
2016	720	1078	1798	4
2017	1118	635	1753	47
2018	1068	732	1800	0

Таблица 2

**Финальные центры кластеров, M
(диапазон шкал исходных показателей: 1–3 балла)**

Год	Русский язык		Союз России и Беларуси		Евросоюз	
	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 1	Кластер 2
2000	1,30	2,62	1,32	2,69	2	3
2002	2,65	1,24	2,40	1,13	3	2
2004	2,80	1,20	2,12	1,20	2	2
2005	1,31	2,72	1,23	2,55	2	3
2006	2,84	1,17	2,28	1,14	3	2
2008	2,82	1,23	2,35	1,13	3	2
2010	2,81	1,20	2,17	1,10	2	2
2012	1,30	2,84	1,22	2,28	2	3
2013	2,81	1,59	2,52	1,23	2,69	1,70
2014	1,39	2,71	1,51	2,84	2	3
2015	1,44	2,90	1,71	2,82	1,65	2,71
2016	1,43	2,80	1,53	2,85	1,52	2,63
2017	2,74	1,42	2,86	1,66	2,68	1,65
2018	2,74	1,43	2,80	1,63	2,63	1,68

Кластеры каждой переменной весьма заметно отличаются друг от друга не только по этому параметру. Эти отличия делают более выразительными кросс-табуляции полученной переменной, фиксирующей двухкластерное решение каждого года, с непосредственно измеренными исходными показателями на массивах данных опросов 2000–2016 годов¹. Аналогичное тестирование на массивах данных опросов 2017 и 2018 годов тоже показало подобные отличия между кластерами.

В частности, опрашиваемые одного из кластеров в основном согласны с необходимостью предоставления русскому языку статуса официального в Украине, положительно относятся к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси, не смогли определиться с отношением в 2000–2012 и 2014 годах и отрицательно относятся в 2013 и 2015–2018 годах к вступлению Украины в Европейский Союз. Поэтому ориентация респондентов данного кластера определена как сугубо пророссийская. Респонденты другого кластера, напротив, в основном отвергают необходимость предоставления русскому языку статуса официального в Украине, отрицательно относятся к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси и положительно — к вступлению Украины в Европейский Союз. Ориентация опрашиваемых этого кластера в целом обозначена как проевропейская.

Таким образом, двухкластерное решение обобщает и полярно дифференцирует ответы респондентов на вопрос о непосредственно измеряемых показателях (рис. 1). Эта переменная выделяет две категории опрошенных: а) пророссийски ориентированных; б) проевропейски ориентированных. На рубеже 2013–2014 годов соотношение долей этих категорий опрашиваемых кардинально изменилось (рис. 4).

Рис. 4. Динамика соотношения долей пророссийски и проевропейски ориентированных респондентов (%)

После изменчивого численного преобладания в течение 2000–2013 годов пророссийски ориентированных над проевропейски ориентированными опрашиваемыми с 2014 года наблюдалось 20-процентное преобладание проевропейски ориентированных над пророссийски ориентированными респондентами. Это кардинальное изменение разницы процентов можно рассмат-

¹ Там же.

ривать как следствие структурных изменений выборки мониторинга. В частности, по 2013 год включительно выборки мониторинговых исследований Института социологии пропорционально репрезентировали все регионы Украины. Вследствие аннексии Россией Крыма его население не репрезентировано в выборках мониторинговых исследований 2014–2018 годов. А в результате захвата сепаратистско-террористическими группировками при поддержке и участии России отдельных районов Донецкой и Луганской областей (ОРДЛО) население этих районов не репрезентировано в выборках мониторинговых исследований 2015–2018 годов. В итоге преимущественно пророссийские предпочтения¹ этих значительных долей населения Украины не учитываются в последние 4–5 лет мониторинговых наблюдений.

Различия средних значений показателей декларативной социальной ответственности по кластерам показывают определенное влияние на нее размежевания социальной общности на пророссийски и проевропейски ориентированных граждан (табл. 3 и 4).

Таблица 3

Средние показатели декларативной личной ответственности за положение дел в Украине в целом по кластерам пророссийски и проевропейски ориентированных респондентов, М

Кластер (категория)	<i>n</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	Стандартная погрешность <i>M</i>
2013				
Пророссийски ориентированные	852	1,20	0,444	0,015
Проевропейски ориентированные	662	1,26	0,496	0,019
2015				
Пророссийски ориентированные	586	1,32	0,513	0,021
Проевропейски ориентированные	973	1,44	0,567	0,018
2017				
Пророссийски ориентированные	567	1,34	0,570	0,024
Проевропейски ориентированные	1028	1,48	0,612	0,019
2018				
Пророссийски ориентированные	635	1,28	0,492	0,020
Проевропейски ориентированные	958	1,50	0,589	0,019

¹ Среди всех опрошенных в АР Крым ($n = 91$) в ходе мониторингового опроса 2013 года: а) 73,6% считали необходимым предоставить русскому языку статус официального в Украине; б) 80,2% склонялись к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси; в) 23,1% положительно относились к вступлению Украины в Европейский Союз. Среди всех опрошенных в Донецкой и Луганской областях ($n = 281$) в ходе мониторингового опроса 2014 года: а) 72,6% считали необходимым предоставить русскому языку статус официального в Украине; б) 66,4% склонялись к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси; в) 10,8% положительно относились к вступлению Украины в Европейский Союз.

Таблица 4

**Средние показатели декларативной личной ответственности
за положение дел в своем городе или селе по кластерам пророссийски
и проевропейски ориентированных респондентов, М**

Кластер (категория)	<i>n</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	Стандартная погрешность <i>M</i>
2013				
Пророссийски ориентированные	843	1,30	0,514	0,018
Проевропейски ориентированные	648	1,38	0,532	0,021
2015				
Пророссийски ориентированные	583	1,40	0,557	0,023
Проевропейски ориентированные	969	1,57	0,582	0,019
2017				
Пророссийски ориентированные	563	1,49	0,632	0,027
Проевропейски ориентированные	1030	1,61	0,611	0,019
2018				
Пророссийски ориентированные	641	1,40	0,539	0,021
Проевропейски ориентированные	964	1,59	0,589	0,019

Для получения приведенных распределений средних по кластерным переменным использовались несколько модифицированные показатели декларируемой социальной ответственности. Модификация заключалась в преобразовании номинальной шкалы исходных показателей ответственности (рис. 1 и 2) в порядковую шкалу за счет изъятия позиции “Трудно ответить”. В итоге респонденты, выбравшие эту позицию (рис. 1 и 2), системно изымались из анализа. Из-за этого соответствующим образом снизилась наполненность кластеров (*n*) в пределах данного анализа (табл. 3 и 4). При этом в порядковой шкале модифицированных показателей декларируемой социальной ответственности позиции “никакой” соответствовал 1 балл, позиции “частичная” соответствовали 2 балла, а позиции “полная” — 3 балла. Для удобства интерпретации тенденций динамики средних показателей декларируемой ответственности за положение дел в Украине в целом и в своем городе или селе по кластерам пророссийски и проевропейски ориентированных опрашиваемых представлены в наглядной форме (рис. 5 и 6).

В течение последних 5 лет и пророссийски, и проевропейски ориентированные опрашиваемые довольно низко оценивают уровень собственной ответственности за положение дел в общественных и местных масштабах. Их оценки преимущественно локализованы в диапазоне между признанием отсутствия собственной ответственности (1 балл) и ее оценкой как “частичной” (2 балла). Но даже в таких обстоятельствах в эти годы наблюдаются в целом более высокий уровень декларативной ответственности и определенный рост этого уровня у проевропейски ориентированных, если сравнивать с пророссийски ориентированными респондентами. В целом в течение последних 5 лет разрыв между этими двумя категориями опрашиваемых по

степени декларативной ответственности несколько увеличился. Результаты дисперсионного анализа и *T-теста* Стьюдента для двух независимых выборок (кластеров) показывают значимость этих различий средних показателей декларативной личной ответственности за положение дел в Украине в целом и в своем городе или селе по долям пророссийски и проевропейски ориентированных граждан. Таким образом, есть основания утверждать, что пророссийская ориентация относительно слабо, но статистически значимо влияет на уровень декларативной социальной ответственности граждан в Украине, в определенной мере снижая ее.

Рис. 5. Динамика распределения средних показателя декларативной личной ответственности за положение дел в Украине в целом по долям пророссийски и проевропейски ориентированных респондентов (диапазон шкалы: 1–3 балла)

Рис. 6. Динамика распределения средних показателя декларативной личной ответственности за положение дел в своем городе или селе по долям пророссийски и проевропейски ориентированных респондентов (диапазон шкалы: 1–3 балла)

В целом сейчас возможный более высокий потенциал формирования ответственного общества в Украине следует усматривать в проевропейской ориентации ее граждан, которая побуждает их артикулировать и (возможно) реализовывать собственную социальную ответственность за государст-

во и его руководство. В то же время интересам пророссийски ориентированных граждан вряд ли может противоречить принятие на себя большей ответственности за положение дел в пределах их территориальных и местных общин. В увеличении этой ответственности тоже скрыт значительный потенциал формирования ответственного общества в Украине.

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ, Киев

Гражданское волонтерское движение в Украине: социальная база доверия и поддержки¹

Феномен украинского волонтерского движения, которое стало набирать силу сразу после революционных событий 2013–2014 годов и начала военных действий на Востоке нашей страны, продолжает привлекать внимание исследователей — как отечественных, так и зарубежных. Его отличие от распространенного во всем мире волонтерства как раз и схвачено в слове “движение”.

Обычно волонтерство — это индивидуальная деятельность, направленная на добровольную помощь тем, о ком государство не может заботиться в полной мере в рамках соответствующих институтов. Волонтеры в традиционном понимании — это те, кто отдает свое свободное время, деньги, знания, не ожидая награды, тем, кто оказался в приютах, детских домах, помогают бездомным брошенным животным и т.п.

Такое волонтерство существовало и в нашей стране до начала событий 2013–2014 годов. Но после этого все изменилось. Слабые социальные институты, существовавшие на тот момент в государстве, были не в состоянии ни противостоять военной агрессии на Востоке, ни позаботиться о тех потоках внутренних переселенцев, которые появились в стране в результате этих событий. И тогда вследствие мощных процессов гражданской социальной самоорганизации, которые проявились еще во время событий Революции Достоинства, начали набирать силу спонтанные гражданские объединения, взявшие на себя те функции, которые в сильном государстве лежат на соответствующих институтах.

В данном случае эти гражданские объединения, по сути, заменили собой такие слабые на тот момент институты, как армия, медпомощь (переселенцам и военнослужащим), социальная помощь (в первую очередь переселенцам). Эти начальные гражданские самоорганизационные объединения лишь позже получили название волонтерских.

¹ Материал подготовлен в рамках НИР “Закономерности формирования и социологические измерения гражданского общества в Украине” (0118U005335), предусмотренной бюджетной программой 6541230 НАН Украины “Поддержка развития приоритетных направлений исследований по результатам оценки эффективности деятельности научных учреждений по новой методике, разработанной на основе международных стандартов”.

Именно с того времени в нашей стране начали отмечать международный День волонтера, который приходится на 5 декабря. В своих ФБ-сообщениях по поводу этого дня в 2018 году известные волонтеры рассуждают над этим феноменом, давая ему очень точные характеристики, говоря о том, как, собственно, появилось это движение и как оно потом стало известно как “волонтерское”. Приведу некоторые из этих сообщений, поскольку они говорят сами за себя.

Анна Майборода (*Совет волонтеров при Министерстве обороны Украины, ФБ 05.12.18*): “У березні 14-го ми не знали, що все, що ми робимо, допомагаючи військовим, переселенцям з Криму, називається волонтерською діяльністю. І у травні 14-го, допомагаючи, ми не знали, що ми волонтери. Та й улітку 14-го “волонтер” ще не було нашим. Воно з’явилося з часом. Ми просто небайдужі самодостатні активні відповідальні громадяни, які могли і можуть більше, ніж інші: В тилу збираючи допомогу, виробляючи потрібні речі, в шпиталях допомагаючи пораненим, на передовій, на полігонах, в кабінетах відстоюючи права військових. І продовжуємо цей довгий шлях допомоги Державі та військовим п’ятий рік”.

Леся Литвинова (знаменитый пункт помощи переселенцам на Фроловской, единственное место в Киеве, куда летом 2014 года напуганные войной люди с Востока приезжали часто в том, в чем их застала война, держа за руки детей, — и получали первый приют, простую пищу, психологическую поддержку. Никаких государственных учреждений такого типа в то время не было). Цитата из записи на ФБ, 05.12.18, очень метко о появлении самого феномена украинского волонтерства: “До 14 года мы и слово-то такое “волонтер” слышали совсем редко. И ни с чем, кроме помощи бродячим животным и детским домам оно не вызывало ассоциаций. Ну и не будило никаких чувств особенных. Крутится кто-то там в своем непонятном мирке — ну и Бог с ним. Мало ли городских сумасшедших. У каждого своя песочница... С Майданом и войной слово “волонтер” настолько вошло в повседневную речь, что очень быстро потеряло свой изначальный смысл и стало синонимом к словам “патриот”, “волшебник”, “донор”, “общественный деятель” и т.д., и т.п. Границы размылись. Смыслы стерлись. И самым простым решением любой задачи стало “а вы позвоните волонтерам””.

В этом феномене очень важно то, что это на самом деле не индивидуализированная активность, а определенные спонтанные масштабные объединения, имевшие мощное ядро из ведущих волонтеров, чьи имена постепенно становились хорошо известными. Но сила этого ядра опиралась на мощную и мало заметную поддержку со стороны значительной части граждан страны. Снова цитата из поста Леси Литвиновой: “Где-то рядом никому неизвестные бабушки тихо вязали носки для чужих детей. Кто-то приходил в больницу накормить супом незнакомого человека. Ехал разгрузить какие-то коробки на Новой Почте. Перевозил чужие грузы. Покупал на праздник два подарка — своему и чужому ребенку. Перечислял деньги на карточку человеку, которого в глаза не видел. Сортировал. Убирал. Стирал. Строил. Готовил. Утешал. Делал что мог. Именно эти люди, которых никто не знает в лицо и по именам, и есть настоящие волонтеры. Не ждущие ни благодарности, ни грамоты, ни привилегий, ни славы. Они не дают бесконечные интервью. Их никто не узнает на улице. Но именно благодаря им “большие” и “настоящие” волонтеры могут сделать хоть что-то”.

Именно с этой незаметной помощи многих простых граждан и складывалось то, что можно обозначить как “волонтерское движение”. В скупых цифрах наших мониторинговых исследований это предстает как та невероятная поддержка и доверие, которые люди проявили к волонтерам. Интересно, что до указанных событий в наших вопросах о доверии даже такой строки – “волонтеры” – не существовало. С момента его появления в 2015 году индекс доверия к этой группе оказывается одним из самых высоких, опережая даже науку и церковь (см. табл. 1).

Задача данной работы – проанализировать социальный профиль носителей этого доверия. И сделаем мы это в двух ракурсах:

- 1) посмотрев на воображаемую группу поддержки волонтеров как на определенное социальное сообщество и проанализировав ее социальный состав по традиционным социально-демографическим показателям, таким как пол, возраст, национальность, регион проживания;
- 2) проанализировав, какой процент людей в социальных группах, выделенных по признакам пола, возраста, региона проживания, выражают свое доверие к волонтерам.

Конечно, речь идет о разных вещах – по цифровым показателям, и по тем смысловым основаниям, на которую они указывают. Первое – информация о самих группах доверия и поддержки. Второе – информация скорее об обществе, распределении в нем подобной поддержки.

Таблица 1

Индекс доверия к волонтерам по сравнению с другими группами, 2018, 5-балльная шкала

Рейтинг	Каков уровень Вашего доверия к ...?	Индекс (среднее)
1	Семье и родственникам	4,54
2	Соотечественникам	3,42
3	Соседям	3,33
4	Волонтерам	3,21
5	Ученым НАН Украины	3,14
6	Церкви и духовенству	3,06
7	Армии	2,87
8	Благотворительным фондам, общественным организациям	2,76
9	Средствам массовой информации (телевидению, радио, газетам)	2,47
10	Профсоюзам	2,46
11	Местным органам власти	2,39
12	Полиции	2,23
13	Астрологам	2,22
14	Налоговой инспекции	2,22
15	Банкам	2,20
16	Прокуратуре	2,08
17	Судам	2,01
18	Президенту	1,96
19	Политическим партиям	1,91
20	Правительству	1,88
21	Верховной Раде	1,85
22	Коммунистической партии	1,74

Как выстраивались группы, находящиеся в фокусе анализа? Таких групп мы выделили три — “доверие” к волонтерам, “недоверие”, “трудно сказать” (нейтральная группа). Это было сделано для большего удобства и большей наглядности полученных результатов по сравнению с начальной пятибалльной шкалой, где респондентам предлагали 5 вариантов ответов:

- 1) совсем не доверяю;
- 2) преимущественно не доверяю;
- 3) трудно сказать;
- 4) преимущественно доверяю;
- 5) полностью доверяю.

В свою очередь, три вновь образованные группы выглядели так:

- 1) “доверие” = “преимущественно доверяю” + “полностью доверяю”;
- 2) “трудно сказать” = “трудно сказать”;
- 3) “недоверие” = “совсем не доверяю” + “преимущественно не доверяю”.

В таблице 2 приведены данные о наполняемости этих групп как по абсолютным цифрам, так и в процентах. Как можно видеть, общий уровень доверия в разрезе всего репрезентативного для граждан страны опроса вдвое превышает уровень недоверия.

Таблица 2

Наполняемость условных групп “доверие” к волонтерам, “трудно сказать”, “недоверие” к волонтерам, N = 1800

Группы	<i>n</i>	%
Доверие	831	46,2
Трудно сказать	557	30,9
Недоверие	412	22,9

Социальный профиль группы “доверие” по сравнению с группой “недоверие”

Указанный аналитический срез призван показать состав указанных групп по основным социодемографическим показателям. В таблице 3 приведено данное распределение. Поскольку группа “доверие” нас интересует прежде всего, то в первой строке приведены показатели абсолютной наполняемости этой группы.

По составу в этой группе больше женщин, чем мужчин (примерно 56 % к 44%), что понятно и с психологической точки зрения (женщины более эмоционально откликаются на проблемы, решаемые волонтерами), так и в плане тех востребованных форм помощи, которые обеспечивали волонтерам рядовые граждане. Об этом хорошо сказано в приведенном выше фрагменте Леси Литвиновой. Стирали, кормили, утешали, плели защитные сетки, вязали носки, пересылали подарки детям, носили одежду на Фроловскую преимущественно женщины. Из этого непосредственного участия и сочувствия и рождалось указанное доверие. Но, ясное дело, и мужчины не оставались в стороне. Если социальное волонтерство было ближе женщинам, то военное, помощь армии, особенно в первые месяцы боевых действий, — это составляло сферу преимущественно мужского волонтерства. При этом слово “преимущественно” здесь очень важно. Как в одной, так и в другой сфере было достаточно и мужчин, и женщин. Медицинское волонтерство (точнее, военное медицинское волонтерство) — еще одно звено волонтерского фрон-

та. Именно здесь, по-видимому, трудно сказать, кого было больше. Врачами, особенно военными, чаще были мужчины. Помощь сопроводительного плана (со стороны медсестер, по уходу за ранеными в госпиталях) осуществляли больше женщины.

Мониторинговое исследование не дает об этом более подробной информации. Но гипотетически можно представить именно такой расклад вовлеченности в волонтерское движение и тем объяснить приведенный выше состав группы “доверие” по признаку пола.

Нужно отметить, что сравниваемые группы “нейтральная” и “недоверие” имеют близкий профиль по признаку пола.

Таблица 3

Состав условных групп “доверия/недоверия” к волонтерам по демографическим признакам, n = для группы “доверие”^a

Воображаемые исследуемые социальные группы — доверие/недоверие к волонтерам	Состав по полу		Состав по национальности			Состав по возрасту			Состав по региональной принадлежности			
	Мужская	Женская	Украинец	Русский	Другая	18–29 лет	30–55 лет	56 лет и больше	Запад	Центр	Юг	Восток
Доверие, n	365	466	772	51	8	181	382	268	211	271	96	253
Доверие, %	43,9	56,1	92,9	6,1	1,0	21,8	46,0	32,3	25,4	32,6	11,6	30,5
Трудно сказать, %	46,1	53,9	90,8	7,7	1,4	21,0	47,9	31,1	18,9	39,7	8,8	32,7
Недоверие, %	46,6	53,4	87,9	10,9	1,2	19,9	44,2	35,9	14,6	40,5	11,7	33,3

^a Запад — Ивано-Франковская, Львовская, Ривненская, Волынская, Закарпатская, Тернопольская, Черновицкая области; Центр — Киевская (без Киева), Киев (город), Кировоградская, Полтавская, Винницкая, Житомирская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская, Черниговская области; Юг — Николаевская, Одесская, Херсонская области; Восток — Запорожская, Днепропетровская, Харьковская + Донбасс: Луганская и Донецкая области.

Что касается состава указанных групп по национальной принадлежности, то здесь уже мы видим определенные различия. В группе “доверие” украинцы присутствуют активнее, чем в группе “недоверие”. И соответственно русских немного больше в группе “недоверие”, чем в группе “доверие”, хотя эта разница всего лишь около 4%.

Так же небольшим является различие между этими группами по признаку возраста. В группе “доверие” налицо определенное преимущество в пользу молодежи, а в группе “недоверие” — в пользу людей, старше 56 лет, то есть это разность в пределах 2%, которая не выходит за пределы возможной статистической погрешности.

А вот региональный состав анализируемых групп демонстрирует существенные и интересные различия. Группы “доверие” и “недоверие” имеют одинаковые доли представителей Юга и Востока, а вот представителей Запада в группе “доверие” примерно на 10% больше (25,4% против 14,6%). Что интересно — представители Центра составляют основу скорее группы “недоверие” (их 40,5%), чем группы “доверие” (32,6%). Это довольно показательная разница, и объяснением тут может быть список областей, которые

образуют Центр. Они разные по своим политическим предпочтениям, их не затронула война — не было беженцев, не было связанного с этим негативно-го опыта, как и потребности в помощи.

В качестве значимых сравнительных характеристик этих групп следует привести распределение ответов на некоторые вопросы, которые определяют общую групповую тональность в отношении к ситуации в стране.

Таблица 4

Распределение по ответам на вопрос: “В какой мере Вы в целом удовлетворены своим положением в обществе в настоящее время?”

Варианты ответов	Доверие, <i>n</i>	%		
		Доверие	Трудно сказать	Недоверие
Скорее не удовлетворен	343	41,3	45,2	54,4
Трудно сказать, удовлетворен или нет	219	26,4	32,1	23,3
Скорее удовлетворен	269	32,4	22,6	22,3
Всего	831	100,0	100,0	100,0

Из ответов, приведенных в таблице 4, видно, что группа “доверие” демонстрирует значительно большую удовлетворенность своим положением в обществе, чем группа “недоверие” (разница существенная и составляет более 10%). Хотя в целом и та, и другая группа демонстрируют высокую общую неудовлетворенность.

Таблица 5

Распределение по ответам на вопрос: “Какие чувства возникают у Вас, когда Вы думаете о будущем Украины?”^a

Варианты ответов	Доверие, <i>n</i>	%		
		Доверие	Трудно сказать	Недоверие
Оптимизм	218	26,2	14,4	15,5
Равнодушие	27	3,3	3,4	5,1
Радость	36	4,3	6,1	5,1
Безысходность	128	15,4	20,3	20,9
Уверенность	102	12,3	11,3	10,2
Растерянность	187	22,5	25,0	23,1
Удовлетворение	38	4,6	4,3	3,2
Пессимизм	101	12,2	14,9	17,0
Надежда	413	49,7	41,8	32,8
Тревога	299	36,0	38,1	40,3
Интерес	149	17,9	13,1	12,4
Страх	145	17,5	21,4	28,2
Другое	0	0,0	0,2	0,2
Трудно ответить	43	5,2	7,2	5,3
Всего	831	100,0	100,0	100,0

^a Респонденты могли выбирать более одного ответа.

Доверие/недоверие к волонтерам в зависимости от возраста, пола, национальности и региона проживания

Конечно, приведенный выше анализ мало что говорит о том, какова активность указанных социодемографических групп в символическом делегировании своих представителей в группы “доверия / недоверия” к волонтерам. Иными словами, выясним, каков профиль этих больших групп в плане отношения к волонтерам. Информация об этом приведена в таблицах 6–9.

Из имеющихся данных можно сделать вывод — среди женщин и мужчин почти не наблюдается существенной разницы в отношении к волонтерству. И у тех, и у других доверие примерно вдвое преобладает над недоверием. Вместе с тем треть и тех, и других остается на “нейтральной полосе”.

Таблица 6

Доверие/недоверие к волонтерам, распределение ответов по признаку пола, %

Пол	Доверие	Трудно сказать	Недоверие	Всего, <i>n</i>
Мужчины	44,8	31,6	23,6	814
Женщины	47,3	30,4	22,3	986

Национальность чуть больше отражается на отношении к волонтерам (табл. 7). Среди украинцев доля выражающих свое доверие более чем на 10% превышает аналогичную долю среди русских (47,6% против 36,7%). Соответственно противоположная ситуация наблюдается в группе “недоверие”.

Таблица 7

Доверие/недоверие к волонтерам, распределение ответов по признаку национальной принадлежности, *N* = 1800, %

Национальность	Доверие	Трудно сказать	Недоверие	Всего, <i>n</i>
Украинец	47,1	30,9	22,1	1640
Русский	36,7	30,9	32,4	139
Другая	38,1	38,1	23,8	21

Не наблюдается существенной разницы в поддержке, которую оказывают или не оказывают волонтерству представители разных возрастных групп (табл. 8). Во всех группах доверие вдвое превышает недоверие со стабильной третью в нейтральной зоне (“трудно сказать”).

Таблица 8

Доверие/недоверие к волонтерам, распределение ответов по возрасту, *N* = 1800, %

Возраст, интервалы	Доверие	Трудно сказать	Недоверие	Всего, <i>n</i>
18–29 лет	47,6	30,8	21,6	380
30–55 лет	46,0	32,1	21,9	831
56 лет и больше	45,5	29,4	25,1	589

Интересна информация о мере доверия к волонтерству, характерной для разных регионов Украины (табл. 9). Вполне ожидаемо, что больше всего активно доверяющих мы находим среди представителей западных областей. Второе место занимает Юг, затем идет Восток, а вот Центр оказывается на последнем месте. Ситуация с недоверием зеркально подобна, хотя там разница простирается не так рельефно.

Таблица 9

Доверие/недоверие к волонтерам, распределение ответов по региональной принадлежности, N = 1800, %

<i>Регион (без выделения Донбасса)</i>	Доверие	Трудно сказать	Недоверие	Всего, n
Запад	56,1	27,9	16,0	376
Центр	41,1	33,5	25,3	659
Юг	49,7	25,4	24,9	193
Восток	44,2	31,8	24,0	572

Чтобы объяснить приведенное в таблице 9 распределение, нам, наверное, нужно изучать доверие к отдельным сегментам волонтерской деятельности. Высокому уровню доверия в восточных областях могли способствовать те волонтеры, которые занимались проблемами переселенцев. Вместе с тем традиционно более высокий уровень патриотизма в западных областях мог бы стать почвой для поддержки военного волонтерства. Определенная пассивность Центра, таким образом, тоже могла бы найти объяснение — оба этих стимула к поддержке волонтерства в Центре менее выражены. Однако эта гипотеза требует дополнительного исследования.

Модератор круглого стола ВИКТОР СТЕПАНЕНКО

Материал поступил 14.05.2019